Виктория Даркфей
ДОЧЬ
ВЕДЬМЫ
Проклятие для ведьмы 2
18+

Виктория Даркфей

Проклятие для ведьмы 2: Дочь ведьмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70413025
SelfPub; 2024

Аннотация

Много лет назад ведьмы захватили власть в мире, победив соединенные армии людей. С тех пор жизнь неузнаваемо изменилась. Руни – дочь ведьмы, но она не знает об этом. Всю свою недолгую жизнь она провела скиталицей, следуя за родителями. Но вот пришел миг, когда они больше не могут защищать ее, и девушка должна встать на свой собственный путь. Ей на помощь приходит странник – человек со своими тайнами и загадками. Они могут казаться чужими, но на самом деле их многое связывает. Клубок распутывается, и вместе с этим открывается тайна рождения Руни, и ее связь с древним пророчеством, которое вот-вот должно сбыться. «Дочь ведьмы» – это вторая часть дилогии под названием «Проклятие для ведьмы». Эту книгу можно читать, как самостоятельную, но в вашем воображении сложится более полная и красочная картинка, если вы прочитаете обе части.

Виктория Даркфей
Проклятие для ведьмы
2: Дочь ведьмы

ГЛАВА 1

Арисса – Первая ведьма Зидаля – выбралась на еженедельный облет подвластных земель. Со спины крылатого ящера ей, как всегда, открылась безрадостная серая картина небольшого городка и окружающих его полей. Все оставалось на своих местах неизменным на протяжении уже нескольких лет. Но Первая ведьма Зидаля не изменяла привычкам, с завидной регулярностью совершая плановые облеты территорий. Зачем она это делала? Ей было очень скучно. Возможно, где-то в глубине своей черной души она даже хотела бы, чтобы вверенные ее заботам людишки подняли восстание или хотя бы возроптали. Но, нет. Ничего такого не происходило. Арисса оказалась превосходной наставницей, и ей не оставалось ничего иного кроме как изнывать от скуки.

Все могло бы быть по-другому, если бы двенадцать лет назад она не вызвала недовольство Владычицы. Арисса проявила недопустимое своеволие, казнив взятых в плен сол-

дат на второй войне с людьми. Первая ведьма Зидаля не любила вспоминать о том промахе. Жажда крови тогда взяла верх над разумом. Ее фурии в пылу битвы превратились в кровожадных бестий, а вместе с ними и сама Арисса. Всем пленным вырвали сердца и пожрали, впитывая силу отважных солдат. Это был упоительный миг. Но вся его сладость развеялась, когда на Ариссу обрушился гнев Зазры – молодой Верховной ведьмы, сравнительно недавно возглавившей их. Возможно, Владычица расценила акт неповиновения как непризнание ее прав на правление, или как урон своему авторитету. От этого кара стала чересчур жестокой, ведь в конце концов пленников за годы двух войн у ведьм скопилось предостаточно.

Гнев Зазры был страшен. Иногда Арисса вспоминала его проявления вплоть до мелочей, и тогда скука не одолевала ее так сильно. Что уж там говорить, ее чуть было не сделали Рыщущей-по-Следу… И на пороге этой страшной участи гордая Арисса ползала на окровавленном пузе у подножия трона Владычицы и вымаливала прощение.

И она получила его, но не сразу. Ей долго пришлось отрабатывать свой проступок, и лишь спустя время у Ариссы получилось отчасти восстановить былое положение. Итогом того кропотливого труда стало ее назначение в дыру под названием Зидаль.

Она превратилась в хозяйку здешнего Приюта приверженцев, и благодаря ее стараниям спустя десяток лет этот

край стал примером образцового порядка, от которого гордой Ариссе, матерой фурии, кровожадной ветеранше двух войн теперь было невыносимо скучно.

Первая ведьма Зидаля уже облетела весь городок. На закуску ей осталось несколько ферм, расположенных в округе, и небольшая часть лесных угодий, что прилегали к подвластной ей области. Как всегда, все было спокойно до тошноты. Сплошное серое повиновение и более ничего.

Спустя пол часа Арисса подлетела к Приюту и нырнула в расщелину в земле. Первая ведьма Зидаля была матерой фурией и возвысилась еще при прежней Верховной ведьме – Ашдот. Поэтому она предпочла устроить себе логово по старинке. Как и бывшая Владычица, Арисса тяготела к подземельям, в то время как Зазра ввела новую моду и стала жить в своем собственном дворце на поверхности.

Поводья от дакора принял служка, приниженно кланяясь при этом. В Приюте Зидаля было всего пять летающих ящеров – слишком много для такой глухомани по мнению Ариссы. На подобострастные поклоны слуги ведьма не обратила внимания.

Она спустилась на второй ярус и дневной свет померк за ее спиной. В Приюте было всего три уровня не в пример шести в прежнем Оплоте, где когда-то жила Великая Ашдот. Но для Зидаля и трех вполне хватало.

Арисса прошла мимо классных комнат, вслушиваясь в крики, что доносились из-за тяжелых каменных дверей. На-

столько тяжелых, что открыть их могла лишь ведьма-наставница при помощи магии. Как правило это происходило в конце урока, но урок мог длиться сколь угодно долго, если ведьма-наставница считала, что так необходимо, или ей было просто скучно. Это Арисса вполне могла понять.

В простенках рядами располагались кольца для наказания нерадивых учеников. Слева, сгорбившись, лицом к стене сидела девочка лет пятнадцати. Ее шею обрамлял ржавый ошейник, от которого шла цепь к кольцу. Грязная и голая, девочка обессилено привалилась лбом и грудью к холодному камню и тоненько дрожала, закрыв глаза. Между ее острых, выпирающих лопаток, багровели следы чьих-то когтей. Кажется, эта ученица сидела на цепи уже вторые сутки. Арисса брезгливо повела носом. По вполне понятным причинам в коридоре теперь плохо пахло, несмотря на запрет кормить или поить провинившихся.

Первая ведьма Зидаля взялась за цепь и потянула пленницу на себя. Ариссе вдруг стало интересно, чем так провинилась девчонка. На минутку скука как будто оставила хозяйку Приюта.

– За что ты сидишь тут, дитя? – раздался ее скрипучий голос. – Почему не отдаешь дань уважения Первой ведьме Зидаля?

Девочка подалась вслед за цепью, но проблеск разума в ее глазах засветился не сразу. Постепенно осмысление наползло на ее туповатое лицо и в мутных глазах тут же зажегся

огонек страха. Она сразу постаралась пасть ниц, отчего края ошейника сильно врезались в ее кожу. Арисса крепко держала цепь, и у девочки ничего не вышло. Тогда она сказала голосом, осипшим то ли от долгих криков, то ли от недостатка воды:

– Нижайше прошу простить меня, госпожа. Я готова понести наказание за свой проступок.

– Ты заставляешь меня повторяться! – Арисса недовольно дернула цепью, отчего голова девочки безвольно мотнулась и чуть не стукнулась об стену. – За что тебя посадили на цепь?!

Пленница испугалась еще больше, кажется потеряв остатки пробудившегося разума. Она что-то заблеяла, ее глаза лихорадочно бегали, а мысли, судя по всему, рассеивались, не успев сформироваться. Арисса возвышалась над ней как беспощадная гора, переполненная темной силой, сознанием собственного превосходства и презрением.

Испугаться действительно было чего. Первая ведьма Зидаля разменяла седьмой десяток и старость в ее облике смешалась со злобой и властностью. Ее гладкие волосы до плеч были цвета пепла. Черные глаза Ариссы прожигали насквозь любого, кто хоть чем-то вызывал ее недовольство.

– Я задала вопрос, – прохныкала, наконец, девчонка.

– Очень интересно. И что же ты спросила?

В глазах пленницы взметнулся страх еще больший, но уклониться от прямого вопроса она не могла. Даже если ответ предрекал для нее новую волну наказаний.

– Я спросила у наставницы, почему раньше не существовало Приютов приверженцев.

– Дитя, – от, казалось бы, ласкового обращения Ариссы, волна ужаса прокатилась по худому телу девушки, – ведь ты же знаешь, что вопросы запрещены.

– Я раскаиваюсь, госпожа. Я готова понести наказание.

Последние слова дались ей с трудом. Девушка проговорила их словно сквозь ком в горле.

– Как тебя зовут? – спросила Первая ведьма Зидаля.

– Шанза, госпожа.

Арисса отпустила цепь, и девушка в изнеможении вновь прислонилась к стене.

– Ведь ты же знаешь, Шанза, что ведьмы-наставницы преподают вам, неучам, все что необходимо. Ты считаешь себя более сведущей, чем они, раз задаешь вопросы? Если тебе не говорят о чем-то, значит тебе это не нужно, и ты можешь получить вред от этих знаний. Этому учат еще на первом году. Сколько лет ты уже идешь путем Темной звезды?

– Семь, – едва пролепетала Шанза.

– Семь! – обвиняюще повторила Арисса. – И ты допускаешь такие проступки! Я разочарована тобой, дитя. Повелеваю тебе сидеть на цепи еще три дня. Твоих родителей ждет публичная порка на городской площади за то, что воспитывают тебя в духе старого мира. Для меня это очевидно!

Шанза всеми силами старалась вжаться в стену, чтобы не видеть и не слышать Первую ведьму Зидаля. Девушка на-

деялась, что ее наказание вот-вот подойдет к концу, и она сможет отправиться домой. Если бы она могла, Шанза заплакала бы от страха и несправедливости. Но слез не было. Ей казалось, что вся влага уже вышла из ее тела. В последний раз девушка пила дома вчера утром. С тех пор она половину дня провела на занятиях, и больше суток просидела на цепи. Другие ученики больно пинали ее проходя мимо, и издевались над ее наготой. Мальчишки старались ущипнуть побольнее, а когда она отворачивалась от них, пряча самые нежные места, плевали ей на волосы и спину. Шанзе было холодно. И очень страшно ночью, когда коридор погружался в кромешную темноту. Она не могла спать, и от усталости стала совсем плохо соображать. Порезы на ее спине саднили и начинали пульсировать. Девушка знала, что это плохой знак. Но теперь ей стало все равно, ведь ей предстояло еще три дня мучений, каждый из которых сулил стать хуже предыдущего. На минутку у Шанзы мелькнула мысль о родителях, которым теперь тоже светило наказание. Но их ей почему-то совсем не было жалко.

Арисса двинулась дальше, все еще размышляя о проступке Шанзы. Первая ведьма Зидаля прошла мимо еще нескольких наказанных учеников, и те старательно кланялись ей, гремя цепями и сверкая голыми телами в полумраке коридора. Она больше ни у кого не остановилась, полностью занятая мыслями о девчонке. На вид ей лет пятнадцать. Вероятнее всего это последний год ее обучения. И она задает во-

просы! Арисса предвкушала разговор с наставницей Шанзы. Та ведьма явно провинилась еще хуже девчонки. Ведь в таком возрасте из-под пера хорошей ведьмы-наставницы должен выйти правильный работник-производитель. А Шанза под этот термин явно не попадала. Скуку Ариссы как ветром сдуло. Предстоящий разговор настроил хозяйку Приюта на воинственный лад.

Она прошла второй ярус и спустилась на третий, направляясь в рабочий кабинет.

Приюты приверженцев действительно ввели сравнительно недавно. И это был шаг со стороны новой Верховной ведьмы, которым она снискала уважение к себе даже среди таких матерых фурий старой закалки как Арисса. Сомгир – мир откуда пришли ведьмы – научил их одному: порядок необходим. Это было скучное, но обязательное условие выживания ведьм. И здесь они стали внедрять новый уклад, чтобы увековечить свое правление этим миром. Чтобы свести на нет любое сопротивление со стороны коренных обитателей, и повернуть существующую жизнь так, чтобы она служила всеми своими дарами на благо ведьминской общины и при этом не иссякала.

Для этого Зазра придумала Приюты приверженцев сразу же после окончания последней войны. Это были своеобразные школы, в которых людей с младых ногтей обучали покорности. Здесь им объясняли их роль в «пищевой цепочке», ломали их, заставляя думать, что это нормально. Лю-

ди должны были производить на свет себе подобных, чтобы госпожам-ведьмам всегда хватало младенцев для Ауркадо, и чтобы в достатке имелось свежей крови и сердец для постоянной подпитки. И еще людям полагалось хорошо работать, чтобы кормить ведьм, и кормить себе подобных. Именно так для них выглядел путь Темной звезды. Весь мир по замыслу Зазры превратился в одну большую кладовую.

И такая тактика дала свои плоды. За годы работы Приютов ведьмы-наставницы взрастили новое поколение людей, поклоняющихся им словно богиням, и готовым на все ради них. Верховная ведьма предложила людскому роду «меньшее зло»: жизнь вместо смерти для большинства и с некоторыми оговорками, но все-таки жизнь. Люди пошли на это, потому что им больше ничего не оставалось. И вот он результат: спустя десятилетие этот мир неузнаваемо изменился сообразно воле ведьм.

Арисса отдала необходимые распоряжения. Спустя несколько минут в ее кабинет вошла Огара – ведьма-наставница Шанзы. Огара была лет на тридцать моложе Ариссы, с грубыми чертами лица и мощным телосложением.

– Ты хотела видеть меня, Первая ведьма Зидаля? – спросила она так напористо и раздраженно, что хозяйка Приюта с радостью ощутила почти забытое чувство безудержной ярости. Осознание грядущей схватки, где можно будет показать свою силу и покарать виновную.

– Огара, – ответила Арисса скрипучим голосом, и в ее гла-

зах зажглись опасные огоньки. – Как проходят занятия в твоем классе?

– Прямо сейчас идет урок, – кажется тон наставницы стал несколько скромнее, но было уже поздно. – Ученики ждут меня.

– И хорошо ли они подаются твоим поучениям? Знают ли путь Темной звезды в совершенстве? Какие из них выйдут работники-производители, Огара?

Арисса вела разговор, сидя в любимом кресле из человеческой кожи. Ведьма-наставница стояла напротив. Теперь она усмирила свой норов, очевидно поняв к чему клонит хозяйка Приюта. Огара понурила плечи и опустила голову, как нашкодившая школьница, и Арисса ощутила укол разочарования. Она не ожидала, что фурия так быстро сдастся. Но это-то было понятно. Инстинкт самосохранения должен был подсказать Огаре, что показывать силу перед учениками и перед Первой ведьмой Зидаля – не одно и то же.

– Порой они доставляют мне беспокойство, хозяйка, – смиренно ответила ведьма-наставница. – Но большая часть уже полностью встала на путь Темной звезды.

– Большая часть? – многозначительно уточнила Арисса и скучающим взглядом скользнула по книжной полке, расположенной у стены справа. Как и ожидалось, ничего нового она там не узрела и с холодной злобой посмотрела на Огару. – И почему я узнаю об этом только сейчас, когда твоя работа уже должна принести плоды? Из тебя вышла плохая

ведьма-наставница, Огара. Я это ясно вижу. Ты не заслуживаешь доверия, как слишком мягкотелая и бесхарактерная ведьма. Ты семь лет учила свой класс, и твои ученики до сих пор смеют задавать тебе вопросы!

Арисса не на шутку разошлась. Кажется, копившаяся в ней годами скука скрывала лавину разрушительной ярости, которой было просто необходимо сорваться. И вот ей попалась Огара. Теперь Первая ведьма Зидаля не собиралась останавливаться. Она хотела, наконец-то, дать себе волю.

Огара в свою очередь поняла, что дело для нее принимает скверный оборот. Она съежилась не хуже Шанзы, сидящей на цепи вторые сутки, и кажется, потеряла львиную долю своей внушительности. По крайней мере, от ее раздраженной напористости не осталось и следа.

– Позволь мне загладить свою вину, Первая ведьма Зидаля! – Огара просительно склонилась в поклоне и застыла в ожидании вердикта.

– И как ты собираешься это сделать? – язвительно поинтересовалась Арисса. – Тебе семи лет оказалось недостаточно, чтобы выполнить возложенную на тебя миссию.

– Вероятно, я не учла влияние некоторых родителей, хозяйка.

– И это вновь твоя ошибка, Огара. Ведь мы запрещаем говорить о прошлом в семьях наших учеников. Они должны докладывать обо всех нарушениях. Почему они этого не сделали?

Огара молчала, оставаясь в согбенной позе. Каждый ее ответ приводил к новым обвинениям, и она не знала, что ей делать.

– Ты лишена звания ведьмы-наставницы, как не заслуживающая доверия, – продолжала наступление Арисса. – Ты подвела Приют Зидаля, и я приговариваю тебя к семи суткам Клетки за каждый год твоей провинности.

Семь суток! Огара рухнула на колени.

– Госпожа! – взмолилась она. – Пощади!

В кабинет вошли две ведьмы-блюстительницы в бронзовых одеждах и подхватили вопящую Огару под руки. Пока ее выволакивали, Арисса оставалась молчалива и неподвижна, и лишь ее черные глаза выдавали кровожадное возбуждение, охватившую хозяйку Приюта.

По крайней мере справедливость восторжествовала. Наставница всегда виновна больше, чем ученица. Одну посадили на цепь без хлеба и воды, другую ждала Клетка, где ее подвесят на крюки и будут выкачивать силу на протяжении семи дней. По правде сказать, большинству ведьм было бы тяжело вынести даже трое суток этой пытки, на четвертые сутки многие лишились бы разума от боли, и лишь малая часть пережила бы пятые, навсегда потеряв прежний облик. Но Ариссе было все равно. Участь Огары не слишком сильно ее беспокоила. Самое главное, что Первая ведьма Зидаля, наконец-то, усмирила одолевшую ее скуку.

***

Тихий ритм жизни Зидаля прервал колокол, созывающий народ на главную площадь. Люди собрались довольно быстро, ведь звонила в него фурия из Приюта приверженцев. Проигнорировать подобный призыв было бы большой ошибкой для любого.

День клонился к вечеру. Солнце давно спряталось за облаками, ветер выводил тревожную ноту между домов. Весна в этом году запаздывала и ближе к вечеру значительно похолодало. Тем не менее разношерстный люд терпеливо ждал.

Большая часть горожан носила одеяния из Приюта. Госпожи-ведьмы установили порядок после войн и благодаря их стараниям в Зидаль доставлялась одежда, сшитая идущими путем Темной звезды. По этим одеждам ярые приверженцы ведьм легко отличались от середнячков или отщепенцев. Последние имели больше всего шансов попасть в Приют в качестве обеда. Самодельные лохмотья носили люди более старшего поколения, бродяги и одиночки, которым нечего было терять. Таких старались сторониться.

Площадь почти заполнилась, когда ведьмы притащили две молчаливые человеческие фигуры, и заставили их подняться на помост. Горожане без удивления узнали в них Ору и Нигая – печника и его жену с западной окраины Зидаля. Люди давно отучились удивляться чему-либо. Госпожам-ведьмам виднее.

Вперед вышла одна из фурий. Как и все, она носила черный ведьмовской доспех и высокие тяжелые сапоги. Многие знали, что удар ноги в таком сапоге с легкостью ломал даже самые крепкие ребра и превращал внутренности в кровавую кашу.

– Вы все знаете этих людей, – грубо прокричала ведьма. – Это Ора и Нигай.

Другая ведьма вытолкнула провинившихся, чтобы все как следует рассмотрели их. В глазах мужчины сквозили пустота и бессилие. Облик женщины был полон отчаяния и мольбы. Но оба молчали, зная, что не дождутся ни справедливости, ни милосердия. Что просьбами лишь раззадорят толпу. Знали, потому что сами не раз стояли на подобных сборищах, только не на помосте, а внизу.

Тем временем, вторая ведьма подошла сзади и вспорола одежду на пленниках длинным острым кинжалом. От ледяного прикосновения Ора вздрогнула, а Нигай остался неподвижен. Грубыми дергающими движениями фурия стянула тряпки с тел мужчины и женщины. Их худые некрасивые тела предстали на обозрение толпы и хохот ледяного ветра. Часть одеяний была из Приюта приверженцев, ведь их дочь семь лет училась там. Судя по виду печник и его жена относились к середнячкам. Теперь им долго придется заслуживать право носить Приютскую одежду.

– Ора и Нигай отринули путь Темной звезды! – заявила первая ведьма.

Ора в ужасе обернулась на нее. Их с мужем не посвятили в суть обвинения, но она и предположить не могла, что провинились они так серьезно.

– Первая ведьма Зидаля приговаривает их к сотне палок каждому! – продолжила обвинительница.

Ноги перестали держать Ору, но упасть ей не дала фурия, что стояла позади. Ведьма подхватила жену печника за волосы и дернула завопившую женщину вверх. Начав кричать, Ора так и не смогла остановиться. Она кричала и вырывалась, пока ее тащили к столбу, пока ее привязывали за кисти и колени. Ора плакала в голос, проклиная свою судьбу, не замечая волнения толпы, не замечая одеревенения мужа. Она кричала, когда первая палка прошлась по ее костлявой спине, и продолжала кричать на десятой палке, когда ее спина уже покрылась красными полосами рубцов. Вскоре ее крики затихли и люди в первых рядах отчетливо расслышали хлюпающие звуки, с которыми палка погружалась в разодранную плоть.

Когда представление окончилось, на помосте остались безжизненные окровавленные тела, привязанные к пыточным столбам. Правосудие ведьм оказалось скорым – когда они закончили едва стало смеркаться. Народ потихоньку расходился. Никто не сделал и шага, чтобы помочь несчастным. Никто не хотел быть причастным к подобному обвинению. Площадь пустела столь же дисциплинированно, как и заполнялась до этого. Горожане стремились поскорее ока-

заться под защитой своих домов, в тепле и уюте, чтобы, может быть, в кругу семьи обсудить проступок печника и его жены, а может быть смолчать о нем, чтобы не накликать беду.

И лишь в дальнем конце площади в сгущающихся сумерках можно было различить фигуру человека, который вроде бы никуда не торопился. Высокий сухощавый парень прислонился к стене дома в проулке и не мигая смотрел вперед. Он видел все от начала и до конца, и его взгляд казался каменным. Его одежда состояла из куртки и штанов, на спине он нес котомку. Этот парень явно не принадлежал к зидальцам, и уж подавно он не носил одеяния из Приюта.

Наконец, окончательно стемнело и незнакомец растворился в переплетении улиц и переулков.

Его звали Ихор, и он пришел в Зидаль неделю назад. Этот мелкий городишко был не живее всех других, прежде виденных молодым человеком. Куда ни глянь – везде серость, трухлявые дома и грязные лица людей, снующих туда-сюда по своим делам. Они напоминали Ихору крыс, что старались незаметно прошмыгнуть в тень и оставить как можно меньше напоминаний о своем существовании. Не оставлять следов, не обращать на себя внимание, ниже пригибать голову и прятать глаза особенно от чужаков.

А Ихор был чужаком, и, конечно, это бросалось в глаза. Ему не очень-то нравилась перспектива сгинуть в этой глухомани. Хотя по большому счету ему было все равно где про-

падать.

Он увидел достаточно, теперь можно уходить отсюда. На своих длинных ногах, пружинящим шагом, Ихор направился к городским воротам. На окружающих людей он производил неприятное впечатление. Возможно, из-за недавней казни они остерегались чужаков сильнее обычного. Возможно, они подозревали его в чем-то. Например, что он шпион Приюта. Или, что он отринул путь Темной звезды. И если первое оберегало Ихора от неприятностей, то второе вполне могло погубить его.

Внезапно почувствовав что-то, парень обернулся. За ним следовали трое мужчин и каждый держал дубину в руках. Кажется, это были приверженцы второй теории, или же просто любители легкой наживы. Ихор прибавил шаг.

Народу становилось на улицах все меньше, а троицу с дубинами люди обходили далеко стороной. Ждать помощи чужаку в Зидале было неоткуда.

И вдруг к затихающему шуму улицы прибавился легкий заунывный напев. Он не отдалялся и не приближался, и казался бесконечным. Что-то среднее между нежным голосом девушки и музыкальным инструментом, на котором мог бы играть ветер, когда ему надоест выводить тоскливые ноты в проулках.

Ихор не сбавлял и не прибавлял шага. А вот троица насторожилась, обратив внимание на незнакомые звуки. К напеву прибавились слова, произносимые отовсюду тягучим и

плавным говором все той же неизвестной незнакомки. Она говорила медленно, она завораживала, заставляя слушать себя вплоть до последнего слова.

– Тьма опустилась на мир. Темная буря пронеслась по земле уничтожив все краски сущего. Небесные светила оказались скрыты, а затем похоронены в замшелых тайниках поработившего мир мрака. Привычные звуки умерли. Воцарилось молчание, сдобренное множеством шепотов, сулящих гибель. Тьма породила хаос. И хаос обрушился на мир. Он пронесся на крыльях темных тварей, сея разрушения и смерть. Прежнее мироздание обратилось в руины. Движение жизни замедлилось, грозя остановиться. Смерть обосновалась в затененных землях. Ее тлетворные дуновения принесли новый смысл бытия и жизнь покорилась ему. Надежда угасла. Прежние идеалы умерли. Из мрака и бед родился новый мир, и Темная звезда стала его венцом. Каждый жизненный путь оказался определен ею. Свобода выбора умерла в душах людей. Люди забыли тех, кого любили и забыли себя. Их умы окутали тенета тьмы. Перед ними пролег единственный путь, что указала им Темная звезда.

Ихор шел. Он проходил мимо домов с закрытыми окнами, и звуки лились следом за ним, проникая в щели дверей, в форточки и чердаки. Преследователи отстали от него, завороженные звуками неземного голоса. А тот продолжал свою стройную и неторопливую речь:

– Прошли года. Прошли десятилетия. Родились новые лю-

ди, которые не знали прежнего мира. Жизнь, что они влачили, показалась им единственно возможной. В ней правили страх и отчуждение. Жизнь без надежды, без счастья и без света. В ней был возможен только один путь. Путь к смерти. Лишь изредка некоторые люди поднимали головы, словно ожидая чего-то. Их глаза устремлялись к горизонту, и они всматривались в него. Тени воспоминаний рвались наружу у этих людей. Они не знали этого, но ждали чуда. И чудо свершилось. Из тьмы воспрянула звезда. Настоящая звезда. Она всколыхнула тенета в умах людей и разорвала их. И тьма отпрянула, рассеиваясь. А звезда взмыла в небеса и засияла там, став новым солнцем. Жизнь обрела прежние краски. Сердца людей проснулись, воскрешая благородство и отвагу.

Голос продолжал звучать, и там, где он проносился, затихали все остальные звуки. Ихор дошел до городской окраины. Здесь он увидел захудалую таверну с открытой нараспашку дверью и остановился неподалеку. Мелодичный напев продолжал следовать за ним по пятам. Слова и звуки разносились далеко окрест.

В таверне было не очень много людей. Самые завзятые посетители сейчас обсуждали проступок печника и его жены. Их дочь никто не видел. По крайней мере, похоже, что ее еще не казнили.

Ихор постоял немного в темноте, наблюдая как неземной голос проникает в помещение и достигает слуха каждого завсегдатая. Он смотрел как менялось выражение их лиц, как

люди замолкали и удивление наползало на их лица. Как они недоверчиво косились друг на друга, проверяя только ли одним им слышится это, или нет.

Ихору было жаль этих людей. Он жалел их как заблудившихся детей, и как скот, увязший в болоте. Ему надо было расшевелить это стадо, поэтому он отринул все мысли о жалости и с разбегу перемахнул через невысокую городскую стену, отделявшую его от свободы.

***

Арисса позволила себе расслабиться. Сегодняшний день удался на славу – давненько у нее не было столько развлечений сразу. Хозяйка Приюта удобно расположилась в кресле перед очагом своего покоя и вытянула ноги. С возрастом ее кости все чаще стали просить тепла. Арисса отослала всех от себя, запаслась бокалом, до краев наполненным жертвенной кровью, и отдыхала.

Первая ведьма Зидаля еще раз прокрутила в мыслях события прошедшего дня, смакуя некоторые детали. Бедняжка Шанза – глупое человеческое дитя – до сих пор сидела на цепи. Может быть она даже переживет оставшиеся ей три дня плена, а может быть и нет. Людские тела слабы. Вероятнее всего холод убьет девчонку быстрее жажды. Ее родителей благополучно казнили на городской площади. Ведьминский суд скор и беспощаден. Об этом знали все в Зидале.

Губ Ариссы коснулась тень холодной улыбки. Ни одного вопроса никто так и не задал ни до, ни после казни. Люди просто приняли на веру обвинение против Оры и Нигая. Зидальцы молча наблюдали за представлением нимало не волнуясь. Даже овцы и коровы проявляют больше волнения, когда убивают им подобных.

Теперь Огара. Самоуверенная ведьма-наставница порадовала хозяйку Приюта больше всех и находилась в самом незавидном положении. Смерть еще не настигла ее, хотя она уже мечтала умереть. Арисса недавно навестила свою новую игрушку. О, это было забавное зрелище.

Огару поместили в Клетку. Кстати, эта пытка тоже являлась нововведением Зазры. Вот на что способна молодая, свежая кровь! Клетка представляла собой небольшую прозрачную камеру, и ее пронизывали металлические штыри с загнутыми вверх концами. Четыре сверху, четыре снизу и по четыре на каждой боковой стене. Голую Огару насадили на них, как диковинного жука, и несчастная застыла, боясь пошевелиться. Ей было больно, очень больно. Рот Огары искривился, с него текла слюна.

Там, где штыри проткнули кожу, из тела ведьмы капала кровь. Огару обрили и прокололи ее голову тоже. Живот, грудь, руки, ноги, спина – все было в кровавых потеках. Да, Огара страдала. Но по настоящему ее страдания еще не начались.

– Хозяйка… – прохрипела бывшая ведьма-наставница,

когда Арисса пришла навестить ее. – Пощади.

Своими черными глазами, такими же черными, как у Ариссы, фурия сверлила близко подошедшую Первую ведьму Зидаля. Огара как бы говорила: я не настолько виновата, как ты наказала меня. Пощади! Пощади! Но хозяйка Приюта пришла сюда не за этим. Она наслаждалась страданиями гордой фурии, впитывала их по крупице. И когда Огара поняла это, она закричала, дергаясь на прутьях:

– Будь ты проклята! Убей меня! Убей!

Ее голос сорвался на визг, когда из-за неосторожных движений прутья вонзились в тело ведьмы еще глубже. О, это было веселое зрелище и Арисса, не выдержав, расхохоталась.

Она не удостоила Огару ответом. Ведь страдания фурии еще не начались как следует, и они обе это знали. Завтра, когда квинтэссенция боли и безнадежности в ней созреют, крюки заработают на полную мощь. Тогда они начнут выкачивать из ведьмы ее природную силу, и вот это будет *действительно* больно. И завтра Арисса собиралась прийти опять…

Сидя в уютном кресле перед очагом, Первая ведьма Зидая подумала, что, по крайней мере, в ближайшие несколько дней скука ей грозить не будет.

Арисса поставила кубок с кровью на изящный деревянный столик. Большую часть мебели она привезла сюда с собой. Война обогатила многих ведьм. Хозяйка Приюта была

готова признать, что все эти вещички, сделанные людьми, могли доставить некоторое удовольствие.

Итак, сегодняшний день сложился неплохо. И несколько следующих обещали быть не хуже. Стоило подумать, как бороться со скукой и дальше.

Но что это? Арисса принюхалась. Что-то встревожило Первую ведьму Зидаля. Она встала с кресла и прошлась по комнате. С одной стороны, все было привычно. Темно-коричневые стены из оплавленной земли, пол, выложенный каменными плитами, у дальней стены кровать, застеленная шкурами диковинных зверей, очаг потрескивает дровами…

Очаг! Арисса подошла ближе к огню и замерла. Она что-то чуяла. Она слышала! Странные тонкие звуки едва заметно просачивались через дымоходное отверстие. Хозяйка Приюта никогда раньше не замечала ничего подобного. Еще минуту она вслушивалась, пытаясь определить, что же потревожило ее слух, но так и не смогла этого сделать.

Арисса вышла из покоев и увидела двух ведьм, направляющихся к ней. Одна из них была ведьмой-блюстительницей, другая – одной из фурий Приюта по имени Жезина.

– Призраки, хозяйка! – воскликнула Жезина. – Она докатилась и до нас!

Жезина являлась самой молодой фурией под руководством Ариссы. Амбициозная, красивая и смертоносная в своей жестокости. В ее голосе Первая ведьма Зидаля ясно расслышала нетерпение, ведь Песня Призраков явление ско-

ротечное и поймать тех, кто ее исполнял до сих пор никому не удавалось. На самом деле ведьмы не верили, что Песню пели именно призраки. Совершенно очевидно, что это были люди, и ведьмы жестоко карали всех вокруг, кто даже просто слышал эти бредни. Фурии запытывали до смерти свидетелей, стараясь вызнать, кто ее поет. Но все было безрезультатно – никто, никогда не видел поющих.

Арисса на секунду остановилась. Она и подумать не могла, что Призраки придут в Зидаль, маленький город, в котором совершенно невозможно затеряться. И все же они были здесь. Глупцы! Сегодня явно был счастливый день, способный стереть даже воспоминания о скуке. Ведь если ее ведьмы поймают Призраков, Арисса вполне могла восстановить свое прежнее положение в глазах Верховной ведьмы. И тогда прощай, Зидаль, вместе с его серыми, тоскливыми буднями.

– Вылетаем немедленно! – крикнула Первая ведьма Зидаля.

ГЛАВА 2

Найди его. Найди его… Найди его.

Голоса то приближались, то отдалялись в ее сознании. Марижа никак не могла определить, реальны они или являются плодом ее горячечного бреда. Она лежала лицом в грязи, скатившись в канаву с обочины дороги. Ей повезло, что эта грязь оказалась недостаточно жидка и глубока, иначе моло-

дая женщина в ней бы утонула.

Внезапно судорога прошла по всему телу Марижи. Изо рта вырвался сиплый всхлип, а губы страдальчески изогнулись.

Прошло время, и ее тело обмякло. Как это ни странно, но судорога будто спустила пружину, которая до этого сжимала все тело Марижи, пригибая ее к земле. Обруч, сдавливающий грудь исчез, и сразу задышалось легче. Женщина оперлась на руки и попыталась потихоньку встать. Когда она подняла голову, то увидела, что день клонится к закату. Это означало, что в канаве она пролежала несколько часов. Ее и без того измученное и испачканное лицо помрачнело. Все пошло совсем не так, как ей хотелось.

Превозмогая себя, Марижа стала выбираться на дорогу. Все ее тело тряслось от слабости, молодая женщина не ела уже более суток. И все-таки она должна была добраться до него.

Найти его…

Шаркая ногами, Марижа будто деревянная поплелась по дороге, стремительно исчезающей в сгущающихся сумерках.

Такого сильного приступа со скиталицей еще не случалось. Казалось, она была в шаге от смерти, в шаге от того, чтобы провалить возложенную на себя миссию. Руни осталась бы тогда совсем одинока. Бедная девочка и так одна в том лесу. Куда она пойдет, когда мать не вернется к назначенному сроку? То, что Мариже не суждено вернуться во-

время, уже не вызывало сомнений.

Это началось сравнительно недавно. Сначала недомогания были едва заметными. Легкие головокружения быстро проходили, но затем сменились моментами полной прострации, когда Марижа будто выпадала из этого мира. Она переставала слышать и видеть, чувствовать время. Мысли растворялись в пустоте, что расцветала там, где прежде было ее сознание. Невесомые похлопывания по щекам, которые делала ей Руни, обычно помогали прийти Мариже в норму. Вскоре молодой женщине стало еще хуже. На нее словно падала тень, заставляя клониться к земле. Тень стремилась повалить Марижу, повалить и растоптать. Сила тени росла с каждым днем, сгибая голову и плечи несчастной все ниже, и сгущая воздух, которым та дышала. Во время приступов она не могла поднять глаз к небу, каждое движение влекло за собой мощный толчок боли. Мариже становилось трудно идти: ее ноги подгибались от нахлынувшей тяжести, а легкие горели от нехватки живительного воздуха. В такие минуты они с дочерью останавливались, и Руни не знала, чем облегчить страдания матери.

Так не могло долго продолжаться. Марижа чувствовала, что близится миг, когда она не сможет оправиться от очередного приступа. И что тогда будет? Где это случится? И чем это обернется для Руни?..

Решение зрело недолго, ведь времени у Марижи оставалось все меньше и меньше. И она не могла взять Руни с собой

– путешествие грозило стать опасным. Единственное, чего женщина не сумела предугадать, это столь быстрого ухудшения ее болезни. Новый приступ обрушился на нее словно удар с небес. Боль склонила ее, выбив землю из-под ног, и заставила корчится в тщетных попытках сделать вдох. После недолгого сопротивления ее сознание угасло, оставив бесчувственное, скрюченное тело в придорожной канаве.

Грязные лохмотья женщины слились с комьями влажной земли, она была неотличима от трупа, что пролежал здесь уже не один день. Ничьего внимания Марижа, слава Торпу, не привлекла.

Теперь она продолжила путь к цели. Найти его! Как же он был нужен ей все эти годы. Особенно, когда не стало Ларика. Как им была необходима его защита и поддержка на всех дорогах, что они прошли вместе с Руни… Тогда он отказал. Но теперь у него не будет выбора.

Марижа всхлипнула. Ее фигура осталась наполовину скорченной – тело так и не оправилось после приступа, хотя боль и удушье отступили. Это было подобно волнам во время шторма – они наплывали последовательно и неодолимо. Едва справишься с одной, следом жди другую. Уже сейчас Марижа чувствовала слабое приближение нового припадка, и у нее не было уверенности, что ей будет дано пережить его.

Тени сгущались. Мир постепенно терял устойчивость и начинал потихоньку кружиться. Мариже стало чудиться движение на границе видимости. Это был верный признак но-

вого приступа. Так быстро! Слишком быстро! Молодая женщина постаралась успокоиться, и сохранить драгоценное дыхание, пока оно было еще подвластно ей. Она должна была двигаться вперед и оказаться как можно ближе к нему.

Марижа продолжила идти. Взор постепенно затуманивался, погружаясь в кружащиеся тени, а больной разум искал в этих тенях ответы. Ее жизнь кончена… Все ли она сделала правильно? Яркими бликами, сменяясь одна другой, в ее мыслях вспыхивали картины: вот она еще совсем девчонка, босоногая бежит по берегу Ручьянки, и коса тяжелой, гибкой плетью мягко бьет ее по спине; вот Ларий в серебряном свете Скорогода называет ее своей нареченной, и они целуются, укрывшись тенями летних яблонь; вот Ларий – уже солдат – учит ее обращению с мечом, а она смеется весело и беззаботно, не понимая, когда бы это ей пригодилось такое умение… А потом мир словно надломился, и их жизни покатились дальше под совершенно другим углом. Войны с ведьмами. Первая война, и Марижа вместе с совсем маленькой Руни прячется в королевской школе для одаренных детей среди таких же, как она запуганных молодых матерей. А потом кровь, кровь, кровь и смерть, и разруха. И безумие, накатывающее вместе с волнами страха. И единственное, что было важно тогда – это удержать в руке крохотную ладошку, судорожно цепляющуюся за нее. И вторая война – точнее жалкое ее подобие, на которую Ларий уже не пошел… А потом темнота и бесконечное бегство, бегство. И как прежде самое

важное – это не отпустить маленькую ручку дочери. Защитить ее от подступающей со всех сторон тьмы. Тьмы, которую не смогла одолеть даже соединенная армия нескольких королевств.

Главное – не отпустить ее руку.

Отпустить руку…

– Отпусти мою руку, – волнообразно прогудел кто-то над головой женщины. – Теперь ты можешь отпустить мою руку.

Слабый толчок стряхнул воспоминания, заполонившие разум Марижи. Она поняла, что лежит на земле, когда влажный запах прелой листвы пробился сквозь заслон ее забытья. Усилие с которым она приоткрыла глаза, оказалось колоссальным. Еще находясь между миром болезненных грез и реальностью, молодая женщина ощутила движение во мраке наступившей ночи. Некто был рядом с ней, но были и те, что растворялись в окружающей темноте и шорох их шагов постепенно скрадывался подобно шороху тысяч тараканьих лапок.

– Марижа, – прошелестело совсем рядом.

Она дернулась, словно очнувшись, и призрачный мир, что почти затянул ее в свои сети, отступил, явив костер, лес, тонущий в ночи, и человека, которого она так долго искала.

– Ты совсем ослабла, – сказал он, пока в ее груди теплой волной разливалось облегчение. – Когда ты в последний раз ела?

– Я не помню, – ответила она голосом весьма отдален-

но напоминающим ее. Это не имело особого значения, к тому же едва ли из-за припадков она могла бы точно сказать, сколько прошло времени.

– Тебе надо поесть, – он протянул в миске жидкую баланду, которая с очень большим натягом походила на еду.

Марижа не стала противиться и взяла предложенное. Ее руки с трудом держали миску, и ему пришлось помочь ей поесть. На какое-то время она опять отключилась. Но на этот раз это было больше похоже на сон, нежели на нездоровое беспамятство, в котором она пребывала до сих пор.

Когда Марижа проснулась, ее голова была на удивление свежа. Начинался рассвет. Отдохнув, молодая женщина смогла как следует осмотреться. Их приютила небольшая лощинка, усеянная ковром из прошлогодних листьев. Последние угли костра слабо тлели под слоем пепла. Над головой нависали голые темные ветви деревьев. Тот, кого она искала, лежал неподалеку. Он будто спал, но Марижа поостереглась бы подкрадываться к нему.

Она всмотрелась в черты спящего мужчины, стараясь соотнести его нынешний облик с тем молодым рыцарем в серебристых доспехах, каким ей всегда хотелось его запомнить. Он выглядел крепким, как прежде рослым, с широкими плечами. В темные волосы пробилась седина. Его суровое, даже угрюмое лицо, казалось, не расслабилось даже во сне. И все же благородные черты, присущие ему с рождения, так и не стерлись за годы испытаний. Это было лицо насто-

ящего рыцаря, волею судеб превратившегося в бродягу. Как и прежде Мариже захотелось взлохматить его непослушные волосы, чтобы согнать с лица въевшееся в него жесткое выражение.

Как и прежде Марижа подавила в себе это желание.

Она пошевелилась, привлекая его внимание, ведь времени совсем не было. Как она и предполагала, если он и спал, то весьма чутко.

– Отдохнула? – не открывая глаз, спросил он.

– Ты нужен нам, Мей, – ответила она.

– Зачем?

– Я умираю.

Он сел и внимательно посмотрел на нее. В его глазах не было страха или сочувствия. Только цепкая внимательность, которая по крупицам отбирала нужные детали из ее облика.

– Мне жаль, – сказал Мей, глядя ей в глаза, и Марижа поняла, что он говорит правду.

– Ты должен исполнить свой долг.

***

Чахлый лесок, в котором она обосновалась, настороженно замер. Руни не знала, сколько еще ей придется ждать. Единственное, что радовало ее сегодня, это то, что ветер оказался не таким настырным, как обычно. Он не пытался сорвать девушку с ветки престарелого вяза, к которой она приникла

и будто срослась с ней, а только прикасался к ее коже холодными влажными веяниями и старался забраться под одежду подобно отвергнутому, нежеланному любовнику.

Все тело Руни оцепенело, она забыла, когда в последний раз позволила себе пошевелиться. Когда девушка устраивалась здесь, стояла глубокая ночь, и затихали едва слышные шаги ее матери, растворяющейся в темноте. С тех пор встало невидимое солнце, подсветив темно-серые небеса, и обозначило черные ветви голых деревьев. То и дело накрапывал тихий дождь, своим шорохом по опавшим листьям навевая на Руни дремоту. Затем день стал клониться к концу, и темно-серые небеса потеряли остатки света. По земле поползли щупальца тумана, усеяв все вокруг мельчайшими каплями воды, и оставив впечатление чего-то бескрайнего и бессмысленного.

Руни всегда боялась тумана. Не доверяла ему, страшась перепутать…

Вообще, она много чего боялась в своей жизни. Но больше всего, что наступит такой момент, как сегодня. Что она будет ждать свою мать, единственного родного человека, который у нее остался, и не дождется… что пройдут все сроки, и перед ней встанет необходимость двигаться дальше одной…

Руни закрыла глаза, чтобы не смотреть в слепую темноту. Единственными звуками, которые она различала, был слабый шелест ее дыхания и редкая капель, скопившейся на вет-

вях влаги. Она больше не могла ждать.

Девушка сделала усилие, чтобы пошевелиться. Это было сродни попытке заставить двигаться и сгибаться толстую ветку, на которой она лежала. Ее тело одеревенело и потеряло чувствительность. Руни знала, что мнимое бесчувствие вскоре сменится болью оживающих конечностей. С тихими шлепками стали падать на землю кипы висячего мха, которыми мать прикрыла ее перед уходом. Спустя какое-то время на сброшенный мох неловко приземлилась и сама девушка. От долгого застоя у нее сразу же закружилась голова, и Руни поспешила прислониться к корявому стволу, приютившего ее вяза. Она сползла на корточки и замерла, ожидая пока темнота перестанет кувыркаться перед ее глазами.

Штаны и куртка ощутимо отсырели, не давая необходимого тепла. Начав двигаться, Руни поняла, как сильно она замерзла. Еще она подумала, что стоило слезть с дерева раньше, а не прятаться до последнего. В таком случае у нее было бы больше шансов найти подходящее укрытие в новом месте. Но девушка не хотела уходить без матери. А та должна была вернуться назад самое позднее несколько часов назад. Теперь же лесок погрузился в практически непроглядную темноту. В таких условиях следовать нужному направлению становилось нетривиальной задачей. Руни подняла голову в тщетной надежде разглядеть бредущую мать… Хотя бы туман развеялся, и это не могло не радовать.

Девушка уже вовсю стучала зубами, но развести огонь не

представлялось возможным – слишком уж все вокруг отсырело. К тому же свет мог привлечь врагов, от которых она так старательно пряталась. Руни встала и немного прошлась, пытаясь решить, что ей делать дальше. Просто она была изначально против такого плана. Но мать твердо стояла на своем, не давая вразумительных объяснений сделанного выбора.

Руни выбрала другое дерево, и, взяв мох в охапку, забралась на него. Здесь она нашла причудливое сплетение ветвей, образующих подобие полуложа, и устроилась в нем более-менее удобно. Замаскировавшись, она замерла.

Сколько Руни себя помнила, их семья всегда находилась в движении. Они никогда не задерживались надолго в одном месте, и девушка давно уяснила для себя, что таким способом Ларий и Марижа – ее отец и мать – пытались не просто выжить или спрятаться от какого-то преследования, но и сохранить свою человечность. Они страшились закрепиться на одном месте и словно заразиться существующим порядком, в котором сейчас жили простые смертные, и который давно перестал быть новым, превратившись в естественную обыденность. Руни слабо представляла себе, какой жизнь была раньше, но глядя на родителей, четко осознавала, что хочет быть похожей на них, а не на остальной людской скот, в который превратилась человеческая раса. Если исключения и случались, то очень редко…

Руни прикрыла глаза, молясь, чтобы ее мать все-таки вер-

нулась. Теперь не оставалось сомнений, что у Марижи возникли сложности с ее планом, которым она так толком и не поделилась с дочерью, но девушка не могла поверить, что мама погибла.

«Пусть все обойдется, пожалуйста, пусть все обойдется!» – шептала она про себя, и горячая мольба оставляла на ее щеках влажные серебристые дорожки слез, которые, остывая, быстро становились холодными.

Руни постаралась взять себя в руки. Сейчас у нее не оставалось иного выбора кроме как дождаться предрассветных сумерек и двинуться дальше. Вся ее жизнь была движением к цели, направление к которой задавали ее родители. Сначала отец и мать, потом только мама…Рядом с ними в жизни девушки был смысл. Она жила, чтобы помогать им, делить с ними все, что посылала судьба, любить их и чувствовать ответную поддержку и любовь. Весь остальной мир грозил неприкрытой враждебностью. Остаться в нем одной, было сродни самой страшной муке.

И все же этот момент настал. Она всегда знала, что он настанет, ведь люди не живут вечно. Скорее наоборот – они помогают друг другу поскорее отправиться на тот свет… И все же родители были еще очень молоды. Руни надеялась, что избранный ими метод выживания сработает, и они доживут до старости, или хотя бы еще достаточно долго. Но первым ушел отец. А теперь пропала и мама. Руни смахнула очередную непрошеную слезу со щеки.

Внезапно вспышка яркого света озарила ее сознание, и девушка дернулась, как от удара. Ее сердце бешено заколотилось, а мысли заметались в попытках понять, что же происходит. Затем свет рассеялся на сотни лучей, которые быстро втянулись сами в себя и превратились в маленькие солнца. Они распространились повсюду и пролетали мимо девушки с огромной скоростью. Руни вся сжалась от страха. Лес исчез, остались только летящие, словно снаряды, световые точки. Свет заполнил собой абсолютно все, и только Руни нарушала собой чистоту картины. Ее зрачки сузились до булавочного ушка, кожа побелела и стала светиться изнутри. Казалось она сейчас исчезнет, растворится в окружающем ее холодном сиянии. Воздух прекратил вливаться в легкие девушки, он стал ей не нужен. Руни еще пыталась что-то сделать, придумать, как ей избежать этой внезапной участи небытия. Но она больше ничего не могла, кроме как часто-часто моргать, стараясь защитить от света глаза. Однако взмахи ее ресниц становились все реже, и вот они уже стали не нужны ей. Ее глаза таяли, растворяясь, и вместе с ними исчезала и сама Руни.

– Отпусти шар! – услышала девушка отовсюду и дернулась, едва не свалившись с ветки дерева.

Всего лишь сон! Она вздохнула с облегчением, осознав, что задремала и ей приснился кошмар. Немудрено после таких переживаний. Руни постаралась отдышаться и поскорее прийти в себя. Девушка осмотрелась, но никаких зримых из-

менений вокруг не обнаружила.

Вскоре серый свет стал пробиваться сквозь темную ночную толщу. Девушка покинула свое убежище. Юрким зверьком она скользнула на землю и замерла, проверяя все ли спокойно.

Какое-то время она просидела тихо, а затем двинулась на юг. Они с матерью долго решали, куда же им направиться. Пришлых нигде не любили, почитая то ли за шпионов, то ли за каких прихлебателей. Во всяком случае лишние рты были никому не нужны. Долгое время, даже еще когда был жив отец, их семья скиталась по всем известным землям. Сначала они отошли от Молении на расстояние, которое показалось им достаточно безопасным, чтобы хотя бы передохнуть от долгого и трудного бегства. Затем в бегство превратилась вся их жизнь.

Шли годы и приближался восемнадцатый день рождения Руни. Уже не раз Марижа раздумывала – не скрыться ли им в неизведанных землях на западе или на юге. Мать и дочь не знали, что ждало бы их там. Марижа боялась оказаться по ту сторону знакомого ей мира. Но судя по всему страх остаться на территории подконтрольной ведьмам пересилил, раз уж мама все-таки решилась пересечь эту черту. Их путь начался с севера Гитании, где они в укромном местечке пережидали зиму два года назад. За плечами остались две огромные страны, уйма времени, сил… и надежда.

Теперь Руни брела в диком неизведанном краю на юге Ла-

рьянмара. Где-то в неделе пути ее ждала граница с Лизией, однако они с матерью планировали свернуть раньше. Но Руни осталась совсем одна, и она не представляла зачем ей идти куда-то, где ее ждала неизвестность, а, возможно, и смерть. Смерть легко найти, и совсем не обязательно для этого так напрягаться и идти за тридевять земель.

За тяжелыми думами девушка только заметила, что лесок заметно поредел. Стали чаще встречаться сухие деревья, да и в целом они стали меньше. Она присела на ствол давно упавшей осины.

Руни вспомнила свой утренний сон. Ничего подобного ей не снилось никогда. Честно говоря, это видение и на сон-то не особенно походило. Откуда оно только взялось? Сейчас в нормальном свете дня ей сложно было даже представить все увиденное.

Все тело девушки ныло после холодной ночевки на ветви вяза. От бессонной ночи голова гудела и наливалась тяжестью. Мрачные думы одолевали Руни. Возможно, стоило пойти на поиски матери. Да, так и надо было сделать! Вероятность погибнуть не смущала девушку. Ее жизнь не имела смысла, Руни не ценила в ней ничего и никого не любила. Кроме матери. Но Марижа предусмотрительно взяла слово с дочери, что та послушается и пойдет на юг в случае чего. Эта верность слову перешла к ней от отца – Лария, бывшего некогда королевским солдатом. И теперь Руни не знала, что ей делать.

– Так нельзя, – прошептала она себе под нос. – Надо идти дальше. Мама хотела этого.

От родного слова сердце Руни сжалось, и слезы вновь подступили к глазам. Девушка встала и двинулась дальше, перешагивая через упавшие стволы деревьев. И все же ее словно что-то держало, мешая идти. Наконец, она остановилась и посмотрела назад. Неуютный пейзаж ответил ей холодным дыханием замершего леса. Снег здесь сошел совсем недавно. Птиц было почти не слышно. Руни сделала нерешительный шаг в обратном направлении, когда где-то совсем неподалеку хрустнула ветка.

Девушка моментально присела и укрылась за стволом ближайшего дерева. Подозрительные звуки больше не появлялись, но она была уверена, что здесь есть кто-то еще. Кто-то шел за ней.

Необходимо было уйти с этого злосчастного места и найти укрытие. Как назло, деревья дальше становились все реже и спрятаться в них не представлялось возможным. Руни предпочла двинуться на запад – ведь именно туда они с матерью хотели свернуть, когда планировали свой поход.

И до этого еле слышные, птицы окончательно умолкли. Руни понимала, что хорошим признаком это служить не может. Она тихонько двинулась, уходя влево, и не забывала смотреть в оба. Почти по-пластунски она добралась до соседнего дерева, затем скрылась за небольшим пригорком и оказалась возле сравнительно молодой осины. За кустом жи-

молости открывался вид на небольшую прогалину, после которой лес начинался опять – уже погуще. Возможно изначально Руни взяла немного западнее и оказалась гораздо ближе к Диким Дебрям, чем она думала. А может быть это был все тот же, уже опостылевший, Ларьянмар… Девушка притаилась за кустом, обдумывая свое положение.

Людей они с матерью не видели уже несколько дней. С одной стороны, это ни о чем не говорило, поскольку места здесь были не слишком людные и в лучшие года. Суровый Ларьянмар никогда не славился особым гостеприимством. И если в сердце королевства еще встречались довольно большие города, то на окраине, да еще рядом с Дикими Дебрями, лишь дорога служила легким штрихом цивилизации. Здесь не сохранилось даже давних построек – ни постоялых дворов, ни конюшен, ни таверн. Лизийский тракт вился, соединяя две страны и только – ничего лишнего. По нынешним временам вид он имел заброшенный и обветшалый, и, конечно, Руни не рискнула в открытую идти по нему, предпочтя обойти по лесу.

Но с другой стороны, отсутствие людей могло говорить об опасности. Дикие звери, болезни, разбойники или ведьмы. Отчего ветка хрустнула, а птиц умолкли? Руни помнила, как мать заботливо укрывала ее кипами мха, маскируя на дереве. Она очень боялась, что кто-то найдет ее. Кто?

Девушка предпочла бы не получать ответа на свой вопрос, но вдруг этот некто что-то сделал с ее мамой? В любом слу-

чае ей стоило как можно скорее спрятаться, чтобы потом по следам найти того, кто здесь ходил. Руни должна превратиться из жертвы в охотника и постараться найти Марижу. Но для этого ей нужно было рискнуть и преодолеть открытое пространство.

Стараясь не шевелить ветви жимолости, девушка двинулась в избранном направлении. Она побежала, пригибаясь. Быстрая, как лань, Руни нырнула под сень деревьев и тут же угодила в чьи-то похотливые объятия. Раздался дикий гогот. От страха она закричала и забилась, не в силах вырваться из множества рук.

Спустя мгновение первый испуг Руни прошел. Холодный пот покрыл ее спину и шею. Она старалась сохранить свои силы, пока орава мужиков в затасканных одеждах забавлялась, перекидывая ее друг другу.

Это была западня. Она попала в ловушку, изначально предпочтя самый легкий выбор. Запад. Дикие дебри. Более густой лес. И пятнадцать бродяг кидают и лапают ее, развлекаясь. И она совсем ничего не может сделать, чувствуя себя безруким и безногим бревном, брошенным на милость волн в океане.

– Все! – закричала она. – Хватит!

Но они только смеялись, и не думая останавливаться. Чужие гадкие руки трогали ее, задерживаясь в самых нежных местах. Когда очередной бродяга алчно причмокнул губами, больно сжав ее груди, Руни поняла, что еще немного и игра

в мячик им надоест. И придет время для другой игры, более жестокой и кровавой, которую она едва ли переживет.

– Стойте! – крикнула она опять. – Я согласна! Согласна!

Эти слова застали врасплох ее мучителей. Руни получила возможность немного осмотреться и отдышаться. Мужчин было около пятнадцати. Все грязные и косматые, в засаленных штанах и куртках, с ножами у пояса и с кастетами. Настоящие разбойники, бандиты, живущие за счет обирания и без того несчастного населения.

– На что ты согласна? – маслянисто сверкнув глазами, спросил один из мужиков. На голове он носил повязку грязно-бурого цвета и от него ужасно воняло. Он тряхнул девушку, чтобы она не медлила с ответом.

– На то, чем молодая девушка может одарить такого воина как ты! – ответила Руни, стараясь выглядеть уверенно, и добавила к своим словам улыбку. Она надеялась, что именно улыбку, которой можно привлечь внимание мужчины, а не кривую вымученную гримасу, наползшую на лицо от безысходности.

– И чем же ты можешь одарить меня? – спросил разбойник в повязке, придвигаясь к ней вплотную. В его глазах загорелся темный огонек похоти, который Руни прежде уже не раз видела в глазах мужчин, проходя мимо.

Непроизвольно девушка сделала шаг назад и тут же натолкнулась спиной на стоящего сзади другого бродягу. Он обхватил ее бедра и крепко прижался сзади. Тот что в повяз-

ке в свою очередь не оставил между ними совершенно никакого расстояния. Оборванец прошелся руками по ее животу, скользя вверх, и остановился на груди, совершая какие-то непонятные движения. Руни застыла, как истукан, боясь пошевелиться. Краем глаз она видела, как напряглась оставшаяся часть мужчин, как они притихли и будто бы к чему-то приготовились.

Паника подступала, стремясь лишить ее последнего крохотного шанса на спасение. Усилием воли девушка заставила себя дышать ровно. Она не должна показывать страх, иначе ход с мнимым согласием перестанет работать. Все вернется к неконтролируемой свалке, в которой ей не выжить.

Если Руни все правильно определила, то она стояла лицом к главарю. На него и стоило делать основной упор. Она заставила себя податься к нему и даже положила руки ему на плечи, слегка обняв. Терять девушке было нечего, и тут ей в душу закралось лихое веселье, добавив озорную искринку ее сияющим, как льдинки, серым глазам.

– Я расскажу тебе, – сказала она игриво, понизив голос. Руни склонилась к нему еще ближе и что-то заворковала в его заскорузлую ушную раковину.

На физиономии главаря расплылась распутная ухмылка. Девушка им попалась на редкость красивая. Высокая и стройная, гибкая и сильная, с длинными волосами, заплетенными в тугую косу. У нее были выразительные брови и красные сочные губы. Ее серо-стальные глаза обрамляли длин-

ные черные ресницы. Ее выпуклости были так плотно прижаты к нему, что мешали соображать, как следует.

– Она моя! – крикнул он и оторвал Руни от себя, чтобы она не висла на нем. Бродяга продолжал держать ее за руку, так крепко сжимая, что девушке пришлось прикусить губу от боли.

– Не наглей, Эрч! – гаркнул тот, что прежде обнимал Руни сзади.

– Я теперь главный и имею право! – завопил в ответ Эрч.

– Ты не главный! – последовал не менее громкий ответ.

«Не главный?» – пронеслась паническая мысли в голове Руни.

– Он отказался от нас, когда пришла проклятая! – отрезал Эрч. – Я всегда замещал его. Я главный!

– Это не дает тебе права на девицу, – веско бросил бородач справа. – Она общая.

В душе Руни все опустилось. Вновь ей не повезло, главарь оказался мнимым, не способным отстоять свое желание.

И все же по молодости и неопытности она недооценила ту силу вожделения, которую оказалась способна вызвать. Юное создание, невинное в своей красоте, было чем-то столь же редким, сколь и ценным. Эрч понял, что зарвался, но и отступить не мог.

– Она моя! – рявкнул он. – Когда я наиграюсь с ней, то одам ее вам. Но перед этим все будет по-моему. Кто не согласен, может доказать мне свою правоту ножом и кастетом!

В доказательство серьезности намерений главарь обвел своих людей свирепым взглядом. Его вызов никто не принял. Казалось этот компромисс если не удовлетворил, то хотя бы утихомирил банду. Руни вздохнула немного свободнее. Кажется, у нее появилась небольшая отсрочка, чтобы придумать, как выпутаться из передряги.

С этого момента поведение разбойников несколько изменилось. Развлечение отложилось на какой-то срок, и они стали вести себя более собранно и спокойно, насколько это вообще возможно среди таких бродяг и отщепенцев. И все же, когда Руни ловила на себе их мрачные тяжелые взгляды, ей становилось не по себе.

Вся компания двинулась на северо-запад. Эрч так и не отпустил ее руки, волоча за собой и заставляя поспевать. У Руни мелькала мысль дернуть руку и убежать, но девушка понимала, что это лишь ускорит ее погибель. Эрч держал слишком крепко, а вокруг стояло много деревьев, среди которых быстро не побежишь. Оторваться и спрятаться от пятнадцати мужчин одинокой девушке было почти невозможно.

Руни думала о своем ноже. В запале страстей, когда разбойники поймали ее, они не подумали обыскать ее. В этом была их ошибка и ее надежда на спасение. Девушка надеялась, что они будут идти достаточно долго, чтобы начало темнеть. В темном лесу затеряться гораздо легче. Ей нужен был шанс.

Спустя сто шагов Руни поняла, что очередной ее надежде

не суждено сбыться. Они пришли на стоянку разбойников. По всему было видно, что обосновались они здесь совсем недавно. Несколько человек сооружали навесы. Один готовил на костре похлебку.

Не говоря никому ни слова, Эрч поволок ее в дальний конец лагеря. Отчаяние вновь подступило к Руни. Как же она была беспечна и самоуверенна. Будто жизнь ничему не научила ее. Просто родители очень любили дочь и всегда оберегали. Даже ценой своих жизней. Слезы навернулись на глаза девушки. Она вполне могла одолеть ополоумевшего от желания главаря, но что ей делать с остальной бандой? Никто не поможет ей, никто не придет. Никому она не нужна. Только маме, но ее больше нет рядом.

Вдруг Руни подумала, что едва ли желала бы своей матери прихода сюда. Даже вдвоем они бы не отбились. Сейчас скорее Руни нужна Мариже, чем наоборот. Ей придется как-то выбираться, если не ради себя, то ради мамы.

Тем временем Эрч притащил девушку к своему лежаку – куску мешковины, наброшенному на замызганные тряпки, в которых еще можно было узнать фрагменты женской одежды. Руни передернуло от отвращения. Лагерь отсюда прекрасно просматривался, и ни для кого не было секретом, что на этом лежаке сейчас будет происходить.

– Давай, – Эрч дернул ее за руку, призывая присоединиться к нему на «ложе любви».

– Здесь? – дрогнувшим голосом спросила девушка. – Мы

же хотели, чтобы все было по-особенному. Давай отойдем подальше!

– Не заговаривай мне зубы, девка! Это и есть по-особенному. С особенным мужчиной, ведь ты так говорила? – осклабившись спросил он.

На этом его терпение лопнуло, и Эрч сильно дернул ее к себе. Но перед этим, пытаясь быть поласковее в его понимании, главарь немного ослабил хватку, и Руни в последний момент смогла выдернуть руку. Тут же она ощетинилась ножом и напала на него, приставив лезвие к горлу. Сердце девушки гулко колотилось, кажется у самого горла, но она старалась не показывать своего страха.

– Сейчас на нас не смотрят. Мы пойдем дальше в лес, – сказала она тихо, перемещаясь к нему за спину. – И ты будешь вести себя хорошо.

– А если нет? – спросил он. – Убьешь меня?

– Давай проверим, – предложила Руни, надавливая на острие.

– Я понял, – сказал он, моргнув. – Но куда же ты отправишься? Там нет ничего.

– А теперь ты не заговаривай мне зубы, Эрч. Тебя это не касается.

Они двинулись, постепенно скрываясь в чаще леса. Но чем дальше шли, тем сильнее росло беспокойство Руни. Главарь задерживал ее, от него следовало избавиться, чтобы убежать и спрятаться, как следует. Однако вопреки завере-

ниям, решительность девушки отнюдь не заходила так далеко, чтобы зарезать человека, пусть и такого негодяя, как Эрч.

– Мои ребята скоро захотят узнать, куда мы направились, милашка. И что-то подсказывает мне, что догонят они нас очень быстро. И что ты будешь делать тогда? Кажется твой план оказался ненадежен.

– Заткнись! Лучше подумай, что не бывать тебе главарем, после того как девушка заставила тебя подчиняться. Дважды!

– Гадина! – выдавил, задетый за живое, Эрч.

– Молчи, если хочешь жить, – пригрозила ему Руни, и они продолжили свое медленное продвижение.

Лихорадочно думая, что же ей делать, Руни пришла к решению. Это было опасно и глупо, но иначе девушка не могла поступить. Она понимала, что лучшим выбором могла стать только смерть бандита. Он несомненно заслужил ее. Руни вспоминала грязные тряпки, бывшие некогда женской одеждой и думала о своем шансе на спасение. Все кричало о том, чтобы прикончить главаря. Но она не могла.

– Остановись, – сказала она. – Стой на месте и не двигайся пока я не скажу. Дернешься, и я проткну тебе почку, понял?

Эрч остановился. Девушка медленно убрала нож от его шеи и присела за массивной корягой, вполне годящейся на роль дубины. Она не сводила глаз со своего пленника и все же не смогла среагировать достаточно быстро, когда он развернулся, обрушив кулаки ей на голову.

От ударов Руни почти отключилась. Ее тело оказалось безвольным и обездвиженным, все виделось как в тумане.

– Тварь! – произнес Эрч с ненавистью и пнул беззащитную девушку ногой в живот. – Думала обхитрить меня.

Он плюнул смачным плевком на нее и принялся взваливать Руни на плечи. Боль от удара затопила сознание девушки. Какое-то время она боролась просто за возможность сделать вдох.

Довольно быстро Эрч принес ее назад в лагерь и бросил на землю рядом со своим лежаком.

– Наворковались, голубки? – спросил бородач, что спорил с ним раньше.

– Еще нет! – заносчиво ответил главарь. Он не мог допустить, чтобы добыча ушла у него из-под носа. – Она все еще моя. Когда наиграюсь, отдам – таков был уговор.

– А отделал ты ее знатно!

– По всему видать – она осталась довольна! – сказал кто-то из толпы подошедших поближе разбойников и все мерзко загоготали.

– Чем Осталась Довольна? – раздался вдруг за их спинами звучный мужской голос. Не услышать угрозу в нем было невозможно, тем более, что разбойники прекрасно знали, кому он принадлежал.

Толпа расступилась, явив взору Эрча высокого плечистого человека в весьма поношенной одежде странника. Главарь шумно выдохнул, выдав смесь страха и раздражения.

– Мей! Чего тебе опять надо? Наши пути, кажется, разошлись не так давно.

– Наши пути никогда не сходились, Эрч.

– Как жаль, Мей! – деланно огорчился разбойник. – Тогда что же тебя привело к нам опять?

– Девушка. Она нужна мне, – сказал странник бесстрастно.

– И мне! – в притворном удивлении воскликнул Эрч. – И всем моим ребятам. Как же нам поделить ее? Я знаю, как! Сомневаюсь, что ты переспоришь моих людей, Мей. Поэтому предлагаю тебе свалить отсюда, пока я добрый и даю тебе такой шанс!

Мей усмехнулся. Впервые за время разговора его лицо оживилось и стало понятно, что этот человек красив как-то особо, по-благородному. Этого впечатления не могли испортить ни плохая компания вокруг, ни старая одежда, ни печать прожитых лет.

– А ты у них спросил – они будут со мной драться? – уточнил он и оглядел всю банду, битую им уже не раз.

Мей развел руки в вопросительно-приглашающем жесте, но никто на него не откликнулся. Наоборот некоторые молодчики даже скромно отступили подальше. Их сволочная жизнь была им дороже какой-то девки и тем более амбиций Эрча. Потихоньку они стали скрываться среди деревьев. В итоге осталось всего несколько человек, которые стояли ближе всего, но и они вскоре отошли, не желая стоять на дороге.

Эрч понял, что проиграл. Даже злоба и уязвленное самолюбие не могли его заставить сразиться с этим человеком. Эх, не бывать ему главарем разбойничьей шайки! Ну, да и ведьмы с ними!

– Ладно, – сказал он, поджав губы. – Забирай.

– Нет, Эрч. Давай вернемся к моему вопросу, – вкрадчиво сказал Мей, подходя ближе. – Что ты с ней сделал?

Мужчина приблизился и склонился над девушкой. На бродягу-разбойника он не обращал никакого внимания, словно того и не было. Оказавшись так близко к Руни, Мей замер в нерешительности. Он не мог заставить себя коснуться ее, будто некое табу запрещало ему сделать это. Когда Мей протянул руку, чтобы убрать волосы с лица девушки, в его движении сквозил непонятный трепет. Эрч молча наблюдал за всем этим, стараясь не выдать своего удивления, хотя в его голове появился ряд вопросов.

Мей откинул косу с лица Руни и немного повернул ее, чтобы разглядеть. Девушка выглядела плохо. Лицо белое, как мел, на висках выступили бисеринки холодного пота. Дышала она едва заметно.

В глазах Мея заплясала ярость, и когда он поднял голову, Эрч от страха попятился. Странник наплывал на него как грозовая туча – медленно и неотвратимо.

– Мей… Я… не знаю. С ней все будет хорошо. Я не трогал ее, если ты понимаешь, о чем я… Только немного присмирил и все… Ну, Мей… Ты же меня знаешь… Мы твои

заветы ни-ни…

Мей не отвечал новоявленному главарю банды разбойников. Страннику было довольно того, что он увидел. Вкупе с прошлыми прегрешениями Эрч перешел некую черту, и теперь все его слова теряли смысл, даже если он был.

Эрч уткнулся спиной в дерево, его ноги и нижняя челюсть дрожали от ужаса. В глазах Мея он видел собственную смерть. Способность связно выражать свои мысли и просить о чем-то изменила разбойнику. Он стал сродни бессловесной твари, хозяин которой вдруг решил окончить ее жизнь.

Мей нанес единственный удар в живот, от которого внутренности бродяги словно разорвались и их окатила огненная волна боли. Кровь отхлынула от лица Эрча. Его глаза неестественно расширились, а ноги подкосились, и он рухнул на колени, хватая ртом воздух. На лице главаря вдруг отразилось удивление. Он не мог сделать вдох, словно кто-то напихал глины ему в грудь и живот. Эрч падал. Падал в бесконечную тьму смерти, падал до тех пор, пока она окончательно не приняла его в свои объятия.

Мгновение Мей постоял над мертвым разбойником. К облику странника постепенно возвращалась присущая ему невозмутимость. Он смотрел на груду грязного тряпья и человеческую падаль. Ему не было жаль. Мей развернулся и пошел к Руни.

ГЛАВА 3

Ей снился покой. Покой, которого она никогда не знала. Ей снились места и люди, которых она никогда не видела, но ее почему-то это не удивляло. В этом сне все казалось таким естественным, таким правильным и определенным. Ей снилось лето и простор ромашкового поля. Она бежала, но не от кого-то, а навстречу чему-то прекрасному. Навстречу своей жизни, такой молодой и замечательной, полной ярких красок, хороших людей и счастливых событий…

Руни очнулась и поняла, что давно наступила ночь. Она лежала, заботливо укрытая, а поблизости потрескивал небольшой костер. Было очень тихо. И спокойно. Не только в окружающем мире, но и, как это ни странно, во внутреннем. Девушка не помнила, как оказалась здесь, и даже не пыталась вспомнить, чтобы не потерять такое приятное чувство умиротворения, поселившееся во всем теле. В руках, ногах, животе и самое главное в голове. Руни хотелось вновь забыться, чтобы раствориться разумом в тихом и прохладном мраке весеннего леса. Ощутить его чистоту и свежесть, и тишину, не нарушаемую ничем, кроме безобидного и даже уютного потрескивания костерка.

Некоторое время девушка так и пролежала, слушая тишину спящего мира. Она смотрела в оранжевые сполохи огня, и тот словно вычищал ее разум. Через некоторое время ее глаза закрылись, и Руни погрузилась в невесомую дремоту, которая постепенно углублялась, превращаясь в крепкий и

безмятежный сон.

С другой стороны костра на нее смотрел Мей. Девушка не могла видеть его против света, но именно его непререкаемую защиту ощутила как спокойствие внутреннего и внешнего миров.

Мей смотрел на нее, и в его душе оживали веяния прошлого, от которого он почти отказался. Он стал другим человеком, изменившись неузнаваемо. И все же глядя на Руни, странник понимал, что некоторые вещи на свете остаются непреложны вне зависимости от его желаний или возможностей. Она была здесь, она была рядом. Живое доказательство всего, от чего он много раз отрекался, и к чему возвращался вновь, терзаемый на протяжении многих лет.

Настало утро. Не несмелые предрассветные сумерки, а полноценное начало дня, наполненное солнечным теплом и светом. Руни проснулась свежая и отдохнувшая. Легким напоминанием пережитого была почти незаметная головная боль. Некоторое время девушка просто лежала, пытаясь соотнести окружающую обстановку с последней запомнившейся картинкой из вчерашнего дня. Вокруг было тихо, банда головорезов исчезла, да и вообще она находилась в совсем другом месте. Лес похож, но не более.

Руни села на своей постели и осмотрелась. Она увидела незнакомого человека напротив. Он спал, прислонившись спиной к дереву. Судя по всему, он сторожил ее всю ночь… Но кто он? Один из бандитов Эрча? Не похож. Руни пока

еще не до конца пришла в себя, чтобы сказать точно, в чем это выражалось. Голова начала болеть сильнее.

Она попробовала встать, но тут же приземлилась обратно. Оказалось, что ноги были неспособны держать ее. Прежде такого с Руни не случалось. Она вспомнила, что Эрч ударил ее. Вихрь непрошенных воспоминаний словно набросился на нее. Мама. Засада. Ее страх быть растерзанной бандой разбойников. Ее побег. Ее неудавшийся побег.

Девушка вновь посмотрела на спящего мужчину и увидела, что он вовсе не спит, а внимательно на нее смотрит.

– Кто ты? – спросила она тихо и почувствовала, как гулко забилось сердце от волнения и страха. Она его не знала, и, хотя он ей вроде бы ничего плохого не сделал, это еще ничего не значило.

– Друг, – просто ответил он. – Твоя мать послала меня, чтобы тебе помочь.

– Мама? – спросила она в замешательстве и совсем растерялась. – Но как она узнала, что я в беде? И где она?

– Она не знала, Руни.

– Знаешь, как меня зовут? – ее губы задрожали. Просто обычно они с матерью чужим людям не называли своих настоящих имен.

– Конечно, знаю, – сказал он, и в его голосе послышались едва уловимые нотки раздражения.

– Так где она? И кто ты?

– Я Мей. Я друг твоих родителей.

– Мей? – задумчиво спросила она. В ее мыслях блеснуло воспоминание: ей одиннадцать, они с матерью и отцом живут небольшом лесном домике и надеются, что здесь их никто беспокоить не станет. Но однажды приходит незнакомый человек. Он рослый и плечистый, его лицо красиво, а волосы темны. Она запомнила его серо-стальные глаза, которые с напряжением смотрели на нее.

У Руни было слишком много вопросов, требующих ответа, но главным был один:

– Что с моей мамой?

– Она жива, Руни. Она здесь…

– Здесь?! И ты молчал!

Девушка вскочила, но пошатнулась и схватилась за голову. Мей помог ей приземлиться обратно. Некоторое время Руни боролась с приступом тошноты и зудящим роем вопросов, на которые ей требовались ответы. Где мама? Если она здесь, то почему не приходит к ней? Если она не приходит, значит с ней случилось что-то плохое? Что же с ней? Может, она умерла?

– Она умерла? – выдавила из себя Руни, стараясь удержать слезы и содержимое своего желудка внутри.

Мей бережно поддерживал ее, а затем удобно усадил, прислонив к дереву и укутав одеялом. Все это время она с тревогой ждала ответа.

– Пока нет, – сказал он как-то удрученно, и Руни совсем сникла.

Мей занялся костром. С помощью еще тлеющих углей ему довольно быстро удалось воскресить огонь. Все его движения были очень лаконичны и верны, а лицо сосредоточенно.

– Она без сознания и очень плоха, – сказал он, навешивая котелок с водой над костром. – Если ты повернешь голову, то увидишь ее.

Пока Мей выливал в котелок что-то из маленького флакончика, Руни несмело повернула голову и увидела сверток. По-другому назвать это было невозможно, и не скажи Мей, что это ее мама, девушка ни за что бы не определила в этом свертке очертания человека. И тем не менее они были. Марижа стала такой маленькой и скрюченной, что у Руни заболело сердце. Мать лежала неподвижно. Совсем. Если бы Мей не сказал, что мама жива, девушка бы поверила в ее смерть.

– Мама, – выдавила она пропавшим голосом. – Мама…

Руни заплакала. Снова и снова она звала мать, но та оставалась неподвижна.

– Выпей это, – сказал Мей, поднеся ей свежеприготовленный отвар.

– Это поможет тебе исцелить голову, – ответил странник на невысказанный вопрос девушки.

Руни выпила беспрекословно. Она находилась не в том состоянии, чтобы задуматься о возможных последствиях. И, честно говоря, сейчас ей было абсолютно все равно что с ней сделает этот человек, который назвался другом ее родителей, и из-за которого умер ее отец.

Через несколько минут ей значительно полегчало. Голова прояснилась, Руни даже более-менее успокоилась.

– Ты знаешь, что с ней? – спросила она после нескольких минут молчания.

– Она проклята, – ответил он, и в воспоминаниях девушки что-то шевельнулось. Кажется, разбойники что-то говорили о какой-то проклятой.

– Может, выпила или съела что-то, приняв не из тех рук, – продолжал говорить Мей. – Я уже видел подобное. К сожалению, я не могу ей помочь.

– Тогда зачем она пошла к тебе?

– Уж точно не за исцелением. Я не лекарь и не маг. Она хотела, чтобы я позаботился о тебе.

– С чего бы это?! – взорвалась Руни. – Я даже не знаю тебя.

– На самом деле ты меня знаешь, Руни…

– Да! – девушка в очередной раз вскочила и на этот раз смогла устоять. – Я тебя помню. Помню, как ты привел за собой людей, которые убили моего отца!

– Я никого не приводил! – от возмущения Мей тоже встал. Напрасных обвинений он терпеть не собирался. – Я опередил тех людей, что шли убить вас всех. Я шел, чтобы увести вас и помочь спрятаться в другом месте! Но их было слишком много, и чтобы дать нам время Ларий остался и отдал свою жизнь.

Руни молчала. Она часто дышала. Ей никогда не приходило в голову посмотреть на эту историю под таким углом.

Кто же он, этот человек, что появляется в ее жизни в самые страшные моменты и спасает?

– Почему ты делаешь это? – спросила она уже намного спокойнее, но не глядя на него.

– Что? – все еще напряженно уточнил Мей.

– Спасаешь меня.

Мей смотрел на нее, и постепенно с его лица уходила непривычная горячность.

– Потому что сильно задолжал твоим родителям, – ответил он, глядя ей прямо в глаза.

Руни услышала в его ответе правду, но поняла, что не всю.

– Это не объясняет того, что ты все время знаешь, где мы находимся.

Мей вновь уселся на свое место напротив. Разговор начинал тяготить его.

– А я все время и не знаю. Если ты не заметила, то в этот раз твоя мать нашла меня, а не наоборот. Она попросила присмотреть за тобой, и я нашел тебя по следам, которые привели к банде разбойников, собирающихся хорошенько поразвлечься. Кстати прими совет: такие случаи, как этот, не предполагают милосердия с твоей стороны.

Руни выслушала всю тираду стоя, а в ее конце на глазах девушки заблестели слезы.

– Прости, – сказала она, тоже садясь. – Не знаю, что на меня нашло. Ты спас меня от наихудшей участи на свете, а я набросилась на тебя.

– Поверь, что есть вещи пострашнее.

Они замолчали, каждый погруженный в свои мысли. Руни чувствовала себя неловко, она не знала, как ей относиться к этому непонятному человеку. Она украдкой взглянула на него. Он был ее намного старше. По правде сказать, если бы ей предложили выбор кого заиметь врагом – его, или банду разбойников, она предпочла бы последнюю. Мей был суров и отчужден. Он даже отличался холодностью. Бесстрастностью. В нем чувствовалась внутренняя сила. Руни вдруг поймала себя на том, что в его компании совсем перестала заботиться о собственной безопасности. Что это? Глупое и наивное доверие, или последствия удара по голове? В то же время, Мей ответил на все ее вопросы, но умудрился не прояснить ничего. Руни вновь взглянула на странника. У него были красивые серо-стальные глаза. Почти такие же, как у нее. У нее они напоминали лед со стальным оттенком. Девушке вдруг показалось, что они чем-то похожи, но она тут же отбросила эту мысль и старалась больше не смотреть на Мея.

Мей чувствовал на себе все ее взгляды и мог представить, что творится в ее голове. Честно говоря, его жизнь странника не предполагала обузу в виде молодой девушки. Как о ней позаботиться он не имел представления. Его жизнь давно превратилась в бесконечное путешествие. Впрочем, как и ее. В этом они были схожи, как и во многом другом. Мей хорошо понимал, что отныне их судьбы связаны еще теснее, чем прежде, и что если он от нее откажется, то будет проклят

навеки. Богами и самим собой.

– Нам нельзя здесь надолго задерживаться, – сказал он. – Люди Эрча бродят неподалеку. Нам надо уходить.

– Не думаю, что ты их боишься, Мей. Скорее наоборот.

– И тем не менее нам надо уходить. Если ты пришла в себя, пора выдвигаться.

Он поднялся и начал сворачивать лагерь.

– А как же мама? – спросила Руни с тревогой взглянув на Марижу. – Ты сказал, она проклята?

Под суровым взглядом Мея Руни принялась сворачивать свою постель.

– Я понесу ее. Я не мог нести вас обеих, поэтому пришлось ждать пока ты поправишься.

Вместе они быстро собрались, потушили костер и уничтожили видимые следы своего пребывания здесь. Спустя полчаса Руни и Мей уже шагали на северо-запад.

Девушка, наконец, осмелилась прикоснуться к руке матери. Она словно не могла поверить, что это скукоженное существо ее мама. Рука оказалась такой холодной, что Руни испугалась. Она не хотела ничего спрашивать, боясь услышать плохой ответ. Странник сказал, что она жива. Значит, так и есть. Есть и надежда. Ее мама сильная, она столько раз их спасала…

Руни прогнала непрошенные слезы. Она стала такой слабой в последнее время.

– Куда мы идем, Мей? – спросила девушка через некото-

рое время.

– К другу, – сказал он. – Мне нужен совет.

Руни уже стала привыкать, что ее новый спутник не слишком разговорчив. Он все время давал ей ограниченные ответы ни на шаг не выходящие за рамки вопроса. Порой это становилось просто невыносимо.

Девушка постаралась отвлечься от мрачных мыслей. День выдался солнечный и тихий, и в отдалении вновь защебетали лесные птахи, возвещая приход весны. По большому счету им можно было позавидовать – сиди себе на ветке и пой, забыв обо всем.

Странник при его комплекции как-то умудрялся идти очень быстро и вместе с тем бесшумно. Он явно торопился, и Руни старалась не отставать от него. Что за совет ему понадобился она так и не спросила, но Мей нес на спине Марижу, и этого было довольно для спешки. Руни была выносли-ва, как молодая кобылица и могла идти часами, не ведая усталости.

Девушка удивлялась: куда они идут? Ни о каком селении в той стороне она не слышала. Видимых признаков близкого человеческого жилья Руни не замечала – везде была одна и та же картина – деревья, деревья и деревья. Временами они спускались в распадки и тогда ненадолго сменяли направление. Где-то в середине дня им на пути попался ручей. Здесь они устроили небольшой привал и перекусили сухарями, размоченными в воде. Ручей был не слишком глубок, и

после отдыха путники легко преодолели его вброд, заодно пополнив запасы воды. Так они прошли немалое расстояние, и Руни почти совсем перестала беспокоиться об оставшихся позади разбойниках. Возможно, что они ушли уже так далеко, что пересекли границу Ларьянмара. Кто знает, где она проходит и начинаются Дикие Дебри?

День стал клониться к вечеру, когда Мей замедлил шаги. Не смотря на всю свою выносливость Руни падала с ног от усталости. К тому же где-то с середины их путешествия ее голова стала давать о себе знать. Тяжесть в голове постепенно накапливалась, а потом появился еще и шум в ушах. Девушка предпочла промолчать об этом. Ей было почему-то неудобно обращаться к Мею. Она его даже немного побаивалась.

– Ты устала? – спросил вдруг странник, не поворачивая головы, но еще убавив шаг.

– Нет, – солгала Руни.

– А почему отстаешь?

– Я не… – она не знала, что ответить. Ей не хотелось признаваться в собственной слабости.

– Моя голова болит, – сказала она потом, ощущая неловкость. Словно признавалась в допущенной ошибке. В конце концов Мей был чужим человеком, а Руни плохо переваривала чужаков.

– Надо было сразу сказать, Руни.

Странник остановился и протянул ей флягу с лечебным

отваром.

– Отхлебни немного.

Свой жест Мей снабдил утешительной улыбкой, и девушка немного оттаяла.

– Не стоит пить много. После этого лекарства надо находиться в покое. Но ты не переживай – мы почти пришли.

Девушка сделала глоток, ощущая в рту чуть горьковатый, но в целом приятный вкус лекарства. Даже от пары глотков ей сразу же полегчало. Они немного постояли.

– Пришли к твоему другу? – спросила она, глядя на Мея.

– Да. Слышишь шепот реки? – странник сделал неопределенный жест рукой, указывая на запад.

Руни прислушалась. Действительно, где-то неподалеку шелестел водный поток. За плохим самочувствием и шумом в ушах она не обратила на него внимания, а теперь после снадобья и подсказки Мея разобрала очень даже хорошо.

– Да, – чуть ли не впервые Руни улыбнулась. – Так кто же твой друг?

Мей тоже улыбнулся, глядя на нее.

– Он самый настоящий волшебник.

Наслаждаясь произведенным эффектом, странник развернулся и, посмеиваясь, зашагал дальше. А Руни осталась стоять с открытым от удивления ртом. Откуда здесь взялся волшебник? Они же давно вымерли. Точнее с приходом к власти ведьм. Ей пришлось нагонять Мея бегом, чтобы не остаться одной в незнакомом лесу. Хотя вскоре у них под

ногами стала виться узкая тропка и протоптали ее судя по всему не дикие звери…

Зная Мея, Руни молчала, храня вопросы. Скоро они придут, и девушка все увидит своими глазами. Скорее всего друг странника окажется обычным лесным знахарем, каковые иногда еще встречались.

Они прошли под сводом деревьев-великанов, и солнце коснулось их верхушек, клонясь к закату. Не смотря на сумерки, холоднее почему-то не становилось. Временами Руни видела реку и чувствовала свежий ветер, но и он не казался холодным. В этом было что-то неправильное: сейчас они находились севернее, а становилось теплее. Словно весна уделила этому уголку земли свое особенное внимание. С усмешкой девушка подумала, что, вероятно, это воздействие близко живущего волшебника, кем бы он ни оказался.

Руни вдруг почувствовала, что на самом деле ей здесь очень нравится. Этот лес был таким же, как везде, и вместе с тем – другим. Он словно дышал, в нем чувствовалась жизнь. Свет и тень тут сочетались мягче, они ложились на землю дивной игрой солнечных зайчиков и хрупких ненавязчивых линий-теней, от сплетающихся над головой ветвей деревьев. В этих местах как будто было светлее, чем в других таких же. Тут росли те же вязы, дубы и буки. Часто встречались темно-зеленые лохматые ели. Руни не могла описать накатившие на нее эмоции. С заходом солнца здесь стало темнеть столь же стремительно. Но эта темнота несла не тревогу,

а загадку. Кажется, от удара по голове у нее разбушевалось воображение. Руни потрясла головой и улыбнулась. Ей так и захотелось идти дальше – с улыбкой на губах. Она вдруг увидела проклевывающуюся на земле зеленую травку и так обрадовалась ей, ведь это была первая живая зелень в году. Мысль о влиянии на эти места волшебника ей уже не показалась такой смешной.

В сгущающихся сумерках впереди мелькала широкая спина Мея. Они шли по тропинке, которая словно уводила их в другой мир. Здесь на деревьях появились первые почки. Еще совсем крохотные, но такие настоящие. Если бы Руни знала, что Дикие Дебри такие, она бы уже давно убежала сюда вместе с мамой.

Они прошли еще немного, и тропинка повела их вниз, спускаясь к реке. Здесь ее журчание стало более напористым, и не заметить его теперь было невозможно. Руни то и дело поднимала голову, чтобы все хорошенько рассмотреть, и от этого переставала смотреть под ноги. Почему-то ее здесь все влекло. Словно это место ждало ее прихода и делилось с девушкой своей радостью.

Даже в темноте речной низины было понятно, что растительности вокруг заметно прибавилось. Река умиротворяюще журчала. На небольшом отдалении путники увидели маленькую хижину, в окне которой так по-домашнему уютно горел свет. Они прибавили шаг, стремясь поскорее оказаться у очага.

Но только они сделали это, как вдалеке раздался громовый раскат, и приближаясь, он пронесся у них над головами, наклонив ветви деревьев. Руни и Мей остановились, девушка в испуге глянула на спутника.

– Илибри, – мрачно сказал странник и взял ее под руку, увлекая в ближайшее укрытие.

Завыл ветер. Где-то далеко гром превратился в крыло тьмы и уже летел обратно. Лес протестующее шумел, а реку стало совсем не слышно. У Руни подкосились ноги, когда она посмотрела на небо – сплошной надвигающийся шквал тьмы. Люди со всех ног бежали к домику, но тьма опередила их. Свет в окне будто погас, все вокруг потерялось. Руни задыхалась от страха, и единственное, что удерживало ее на грани безумия – это рука Мея, который не отпускал ее ни на миг.

Странник перестал двигаться, когда понял, что уже поздно. Он повернулся к Руни, и не видя ее, провел рукой по волосам, словно успокаивая. Он потянул девушку вниз, чтобы она легла на землю и лег тоже, защищая ее. Так они лежали, содрогаясь и слушая вой темного ветра, пока он не стих.

Илибри никогда не длился долго. Поступь Бога Тьмы развеивалась, едва он прибывал в место назначения.

Руни лежала, приходя в себя. С самого детства она ужасно боялась оказаться в центре темного урагана, потому что он мог унести с собой все что угодно. От камня до дома на горе. Особенно если Поступь накрывала кого-то, кто находился в

пути и двигался, как они сейчас. Поговаривали, что таким образом можно было перенестись в родной мир Улана, но откуда кто-то мог знать о таких вещах? Это был ее третий илибри, и она часто дышала, боясь открыть глаза и увидеть, что ураган забрал ее. Руни даже перестала чувствовать, как крепко прижал ее к себе Мей.

– Уже все, Руни, – раздался голос странника. – Все прошло, ты можешь открыть глаза.

Раньше ей так говорила мама. Вот именно этими словами и с такими же обеспокоенными нотками в голосе.

Руни послушно открыла глаза и увидела, как негодующе пляшут ветви деревьев, растущих на холме. Они четко выделялись на темно-синем звездном небе. Вокруг царила самая обычная ночная темнота. Илибри прошел столь же внезапно, как и появился, но следом за ним на мир опустилась ночь.

Мей потрепал девушку по плечу, как бы подбадривая и говоря – ну все хватит разлеживаться. А Руни не могла заставить себя сделать это. Ее силы кончились. Ушли в невообразимую бездну, улетели вместе с темным ураганом. Зачем вставать? Куда идти? Какой во всем этом смысл? Она хотела просто тихо лежать здесь, пока все не пройдет и не кончится.

– Руни, оглянись. Дом волшебника совсем близко. Мы не дошли всего десять шагов. Просто посмотри на него.

Девушка лежала, все так же бессмысленно глядя в пустоту. Тогда Мей осторожно перевернул ее, и она увидела то,

что он хотел. Тьма сменилась светом. Окошко волшебника стало сродни маяку надежды. Ее силы к ней не вернулись, но Руни захотелось быть ближе к свету и согреться в его теплых лучах.

– Мей, мне страшно, – прошептала она. – Почему он пролетел над нами?

– Я не знаю, Руни, – ответил Мей. – Но здесь его точно нет, так что не думай об этом.

Странник помог девушке подняться, она казалась совершенно потерянной.

– Не думай о плохом, – сказал он. – Илибри иногда действует на людей очень удручающе, как на тебя сейчас. Ничего плохого не произошло.

Ничего. Совсем ничего. Просто Бог Тьмы в очередной раз спустился в этот многострадальный мир, чтобы совокупиться со своей королевой ведьм. Совсем ничего плохого. Какое-то время Руни непонимающе смотрела на Мея, но потом в ее глазах все же забрезжила искра осмысленности. Конечно, ведь все это давно стало обыденным.

– Я знаю, – сказала она.

– Пойдем, мой друг, наверное, уже ждет нас.

– Твой друг – волшебник? – будто уточнила она, не двигаясь.

– Да, – удивленно ответил Мей. – Волшебник.

– Тогда почему он не помог нам?

Странник долго смотрел на нее в молчании. Вопрос будто

озадачил и разозлил его.

– Потому, что испугался.

***

Руни очнулась через несколько часов. Ее голова была словно в тумане, а перед внутренним взором вставали неясные обрывки воспоминаний. Мей все-таки довел ее до домика. Из открытой двери лился неземной свет, и на его фоне виднелась богатырская фигура хозяина.

«Ничего себе, какие теперь пошли волшебники» – подумала девушка устало и как бы между прочим. В ее голове было пусто, как в кухонном горшке, и лишь несвязные отголоски мыслей иногда поблескивали там, подобно рыбам, мелькающим на поверхности речной глади.

Руни чувствовала себя донельзя усталой и опустошенной. Ее тело казалось ей таким тяжелым, словно ее чем-то придавили сверху. Она уставилась в потолок комнаты, в которой лежала. Ей было трудно даже подумать о том, чтобы повернуть голову и оглядеться.

Потолок был сделан из широких досок и не казался слишком старым. Посмотрев в него еще некоторое время, Руни поняла, что немного пришла в себя. Ее мысли стали понемногу проясняться.

Она осмотрелась. Комнатка, куда ее положили, оказалась небольшой. Сходу определить ее назначение у девушки не

получилось. Похоже, что хозяин просто складировал сюда все подряд. Здесь стоял стол, за ним громоздились три большие закрытые бочки, а вдоль стены вытянулась длинная доска, на которой теснились ведра с водой и горшки с проклюнувшейся петрушкой. С другой стороны, немалое место занимал книжный шкаф, заваленный книгами, свитками и какими-то свертками. На полу была расстелена затоптанная домотканая дорожка, а в углу притаился веник в компании с ухватом. Сама Руни лежала на старой тахте, твердой как столетнее седло. Все ее тело ныло и болело не столько от всего пережитого, сколько от отдыха на этом волшебном ложе.

Кажется, Мей на руках принес ее сюда. Досталось же ему с ее семейством. Тут Руни вспомнила про маму. Как она могла быть такой эгоисткой?! Как же там мама? Как она пережила илибри? Жива ли она еще?

Руни пошевелилась, собираясь встать с кровати, и та заскрипела на весь дом. Только сейчас девушка поняла, что вокруг неестественно тихо. А ведь снаружи хижина волшебника казалась совсем маленькой. Честно говоря, даже эта комната выглядела больше… Здесь должны были быть слышны голоса Мея и его друга-богатыря.

Она встала с тахты, не обращая внимания на слабость, и подошла к окну, задернутому легкой занавеской. Снаружи на нее смотрело бесконечное звездное небо. Оно было таким ясным, каким его можно увидеть лишь в морозную ночь. Но по всему было понятно, что на улице тепло. Руни устала

удивляться. С ней столько всего случилось за последние пару дней. Уход матери, разбойники, илибри. Теперь ей предстояло познакомиться с настоящим волшебником. Кстати, она все больше верила в истинность этих слов, поскольку простому лесному знахарю едва ли пристало жить в окружении стольких необъяснимых вещей. И исходя из всего этого в голове Руни рождался еще один очень важный вопрос: кто такой Мей?

Но это могло подождать. Волшебник должен вылечить ее маму.

Руни вышла из приютившей ее комнаты и оказалась в кухне. Здесь была печь и стол, на полках стояли кружки и тарелки. В противоположной стене девушка увидела закрытую дверь. Дубовую, обитую стальными фигурными полосками. Хорошо нынче живут лесные отшельники – ничего не скажешь.

Она подошла вплотную к двери, стараясь идти неслышно. Руни могла поклясться, что пыль падает громче, чем она ступала по доскам пола. Девушка прислонила ухо к гладкой дубовой поверхности и замерла. Ничего удивительного, что ей показалось будто в доме слишком тихо – за такой дверью можно устроить бой на мечах, и в соседней комнате ничего не услышишь. Она изо всех сил напрягла слух, но не смогла разобрать ничего кроме отдаленного гула голосов. В нем даже невозможно было определить кому они принадлежали.

И тут один из голосов стал более четким и громким.

Слишком поздно она поняла, что это значит. Дверь стала открываться, и девушка услышала:

– Ну, здравствуй, Руни. Я так долго ждал тебя.

ГЛАВА 4

Из Обители Астрэ открывался дивный вид на Бескрайний океан. Чудесная синяя даль, казалось, бесконечная, была сродни большому живому существу со своим характером. Этот характер нравился Астрэ – Зазре, Верховной ведьме. Она любила выходить на огромную террасу, примыкавшую к ее покоям, и просто смотреть на вечное движение волн. Иногда равнодушное, иногда взбалмошное, иногда яростное.

Зазра являлась самой молодой Верховной ведьмой в истории не только этого мира, но и Сомгира. Ей было чуть за тридцать – совсем несерьезный возраст по меркам ведьм. Некоторые лишь приближались к званию фурии к тридцати годам. Но не Зазра. Еще будучи принцессой, она стала фурией в пятнадцать лет. Ведь слишком многое в данном вопросе зависело от потенциала, а у Зазры он просто зашкаливал.

В пятнадцать она мечтала стать королевой мира! И ее мечта сбылась. Такая власть, такая сила… Эта сила давала столь многое, но и столь многое отнимала.

Королева ведьм Зазра уничтожила всех других королей и королев этого мира. Она так стремилась править здесь, так хотела ощутить вкус власти, и так торопилась, что прошла

мимо некоторых немаловажных знаков. Один из них уже на пороге смерти дала ей ее мать.

Зазра не очень любила вспоминать прошлое, но была достаточно умна, чтобы *заставлять* себя помнить и не совершать старых ошибок дважды.

Астрэ – больше, чем королева. Сколько всего в этом слове. И боли, и сладости. Тринадцатая в поколении Верховных ведьм. В этом знании заключалась тайна ее молодости и силы. Например, ее мать – Ашдот, стала Верховной ведьмой приближаясь к столетнему порогу или около того. А из следующих ста лет двадцать пять она просидела на троне Ведьминой горы в Белсоши, оттяпав эту провинцию у моленского короля. Ашдот и горя не знала, пока однажды к ней не пожаловал незваным демон из Сомгира, и не оплодотворил, взяв силой.

На самом деле, Зазре было противно думать об этом. Но результатом стало ее появление на свет – тринадцатой в поколении. Бог Тьмы, посылая того демона – геверкопа, точно знал, чего хочет. Он хотел Астрэ – ведьму, по силе практически равную богам и принадлежащую ему.

Когда Зазре исполнилось пятнадцать лет, она была достаточно глупа, чтобы мечтать принадлежать Богу Тьмы. А теперь горькая улыбка наползала на губы ведьмы, но она уже обрела, что хотела.

Бог Тьмы Улан получил ее, и она открыла ему доступ в этот мир. Вместе они поработили его, и Зазра возвысилась,

став королевой целого мира.

Она отказалась жить в Ведьминой горе. Это жалкое мрачное строение всегда угнетало ее. В том числе из-за затхлого, если не сказать протухшего, воздуха. Зазра в целом не любила подземелья. Особенно когда вспоминала свой поход по одной из забытых лестниц бывшего оплота. Но, пожалуй, главной причиной ее нежелания остаться там было чувство противодействия матери. Зазру ужасно бесило то, что даже после смерти Ашдот имела некую власть над ней. Став Астрэ, принцесса не захотела жить в покоях прежней Верховной ведьмы. Там все будто прогнило за столетие правления и пропиталось мерзкой старухой. К тому же именно в спальне Зазра убила мать. Волна омерзения прокатывалась по молодой фурии каждый раз, как она думала, что придется спать там. О, нет.

Зазра сделала все по-своему. И намного лучше Ашдот. Королева ведьм возвела дворец – Обитель. Она так же пожелала покинуть Белсошь, и долго думала, выбирая место для нового дома. Астрэ остановилась на побережье Камкая, выбрав северную область с приятным прохладным климатом.

По сравнению с остальными ведьмами Зазра была подобна богине, и лишь при помощи своей силы возвела невиданный доселе замок. Он отличался огромными размерами и занимал целое поле, с виду похожий на муравейник с оплывшими формами. Этот факт не сильно беспокоил королеву. Она не нуждалась в доме слишком похожем на воздушные

дворцы западных королей, и не хотела уподобляться ажурной вязи, свойственной востоку. Во всяком случае ее сила была заточена не на красоту, а на смертоносность. И в этом плане она добилась больших успехов. В случае нападения ее дворец мог уничтожить целую армию без единого защитника внутри.

Шелестя длинным платьем, королева Зазра величественно прошла в спальню. Как и в молодости она отдавала предпочтение длинным черным платьям с той лишь разницей, что гладкий шелк сменило ажурное кружево, усеянное бриллиантами. Сегодня черными, завтра желтыми, иногда белыми. В ее нарядах стало больше страсти, больше вызова. Зазра носила длинные волосы цвета ночи как шлейф – она редко их собирала.

Королева подошла к высокому зеркалу, протянувшемуся от пола до потолка, и оттуда на нее взглянула Астрэ, сверкая светло-зелеными глазами. Эта женщина была еще красива, но уже не так как прежде. Молодость ведьмы скоротечна, и чем больше у нее силы, тем скорее к ней приходит уродливая старость и сходство с демоном-отцом. Эту истину знала каждая девочка неофитка в двух мирах. И Астрэ, что по силе была сравнима с богами, ничего не могла с этим поделать.

Зазре исполнилось тридцать три года. Ее губы потеряли прежнюю сочность и стали похожи на вяленые помидоры. Контур глаз будто растекся, смазался, утратив прежнее совершенство формы, а половина ресниц – которыми она так

гордилась! – просто вылезли. Морщины. О, морщины! Они расчертили ее прежде гладкий лоб едва заметными полосами и поселились целым скопищем на веках. Кожа на шее одрябла, а на кистях рук ссохлась и сморщилась. А грудь? Ее было просто не узнать. От двух упругих полушарий не осталось и следа, и приличную форму они держали только благодаря постоянной магической поддержке.

От долгого разглядывания себя Зазре как всегда захотелось разбить зеркало, но она вовремя вспомнила, что оно волшебное и все равно восстановится. Королева ведьм отвернулась от своего отражения. Она могла бы зачаровать зеркало, чтобы оно приукрашивало картину. Но к чему это, если суть изменить она была не в состоянии? Астрэ знала, какая она, и видела себя в отражении глаз других ведьм. И к тому же это было очень больно, увидеть себя через время враз постаревшей и стать еще хуже, чем она себя помнила… Просто Зазра уже поддавалась на этот соблазн и разбивала зеркало не раз.

Она еще не превратилась совсем в старуху, но выглядела лет на пятнадцать-двадцать старше. Пройдет еще десяток лет, и в ней станут проявляться черты геверкопа. Королева со страхом отбросила эту мысль. Она даже подумать боялась, во что тогда обратится ее жизнь.

У Зазры не было настроения видеть сегодня кого-либо. Все дела она отложила на завтра. Королеве хотелось уединения. Может заняться собой, прибегнув к старым испытан-

ным средствам? Например, кроваво-молочная ванна отлично питает кожу. Да, пожалуй, это то что нужно.

Но едва Астрэ подняла руку, чтобы позвать служанку, как тут же безвольно ее опустила. Дворец вздрогнул, как вздрогнуло само основание мира. Где-то у горизонта зарокотал гром, он приближался с несусветной скоростью. Волны океана взметнулись от швального порыва ветра и отхлынули, обнажив дно. Тьма возникла словно из ниоткуда и какое-то время было совершенно темно. Настолько, что даже ведьминские глаза Зазры не могли одолеть эту темноту. На несколько мгновений все звуки утонули в шуме ветра и грохоте грома, а затем наступила нереальная тишина.

Астрэ несмело подняла глаза, когда тьма рассеялась. Откуда в ней жила надежда, что Его там не будет, Зазра не знала. Он всегда был там, но надежда упрямо появлялась каждый раз. И каждый раз рушилась, когда взгляд королевы ведьм встречался с ее вечным избранником.

Как и всегда Улан стоял на балконе. Стоял к ней спиной, обозревая разбушевавшийся океан. Как и всегда его огромная фигура была слишком велика для такой миниатюрной ведьмы, как Зазра. Сцепленные за спиной руки выдавали плохое настроение Бога Тьмы. Сердце Верховной ведьмы учащенно заколотилось, когда она заметила это.

Астрэ опустилась на пол и коснулась его лбом, разметав свои длинные волосы.

– Повелитель! Я приветствую тебя, мой вечный возлюб-

ленный! – провозгласила она униженно.

Это приветствие было скорее данью обязательствам, нежели истинным изъявлением чувств, и они оба знали это.

Уланэ Дал молчал, игнорируя королеву. Длинные полы его одеяния шевелил морской ветер. Руки все так же оставались сцепленными. Он повернулся и окинул холодным взглядом, павшую ниц, Астрэ.

– Возлюбленный? – он неопределенно хмыкнул и прошел внутрь покоев. – Когда ты перестанешь лицемерить?

Зазра внутренне вся сжалась. В эту игру они играли уже не раз. Улан доводил ее до исступления, заставляя доказывать ее любовь к ему. Он издевался, не щадя ни чувств ее, ни тела, и когда она сдавалась, признавая, что ненавидит его всем сердцем, Бог Тьмы торжествовал, что вывел ее на чистую воду. Тогда его одолевали противоречивые чувства. Ярость и уязвленное самолюбие сливались в ураган ненависти в его душе, и Зазра теряла рассудок, находясь в сердце этого урагана.

Медленным шагом Бог Тьмы подошел к Верховной ведьме. Его ноги в начищенных сапогах остановились напротив ее лица. Носком сапога Улан пошевелил черный локон королевы и брезгливо отпрянул, будто коснулся чего-то грязного. Затем он направился к огромному креслу, что стояло здесь специально для него. Устроившись поудобнее, Улан сказал:

– Можешь встать.

Его ледяной тон хлестнул Зазру словно плеть. Она мед-

ленно поднялась, всеми силами оттягивая момент, когда придется посмотреть в глаза Улана.

Он никогда не был особенно любезен с ней. Но когда Бог Тьмы являлся в подобном настроении… во всем мире не нашлось бы ведьмы, которая позавидовала положению Астрэ и захотела бы оказаться на ее месте.

Подходя к огромному креслу, Зазра вспоминала их первую встречу. Ей требовалось чем-то занимать мысли, чтобы страх и отчаяние не вырисовывались в ее душе слишком ярко. Та встреча не стала неприятной. Наоборот, это воспоминание было чуть ли не единственным, в котором Зазра не корчилась от боли и унижения и не страдала от ненависти мужчины, которому принадлежала. Пусть Бога, но все-таки мужчины.

Ей было пятнадцать. Она только что вознеслась в вихре силы, после того как положила вырванное сердце матери на алтарь Бога Тьмы. Черный сморщенный кусок мяса секунду трепыхался на холодном камне, а затем истаял дымком. Ашдот умерла, открыв потоки силы для Астрэ, и та воплотилась во всем своем величии. Ей тут же стала доступна открытая связь с их Повелителем, и она не преминула воспользоваться ею.

– Зазра, дитя мое! – пророкотал вездесущий голос Бога. Он пронзил все ее существо и заставил трепетать от восторга.

– Повелитель!

Молодая ведьма плыла в божественном ничто. Улан был здесь везде, Зазра казалась хрупкой песчинкой в сравнении с ним. Его мощь поразила девушку. Даже будучи дочерью Верховной ведьмы тяжело вообразить всю беспредельность и массу разумной энергии, которой являлся их Бог. И вот она оказалась рядом с ним, внутри него, вместе с ним. Происходящее настолько опьянило ее, что Зазра чуть было не позволила себе возмечтать о подобной силе для себя. Но она не успела.

И в один момент все кончилось. Бог исторг ее из божественного ничто, сказав, что их ждут великие дела. Ей следовало открыть этот мир для него, а для этого предстояло провести большую работу. На самом деле, он даже не говорил с ней. Просто эти мысли мгновенно пришли от него к ней, а Зазра уже оказалась в Сомгире, где ее ждало несколько обрядов.

Она так и не поняла толком, что же сделала не так. Мгновения эйфории, в которую она погрузилась в их первую встречу больше никогда не повторялись. Зазра долгими часами пыталась достучаться до Улана, но тот на время стал глух к ней. Он явился лишь когда смог ее стараниями материализоваться в ткани этого мира, не разрушив его.

Ей было невдомек, что божественная сущность Улана пронизывала ее насквозь. Он смог прочитать ее мысли пока они еще формировались, и она даже не знала об их существовании. Для нее это были лишь чувства, неясные эмо-

ции, и спустя годы она позабыла о них. Алчная душа ведьмы возжелала силы для себя, еще ничего не дав ему взамен. Его силы, которой он вознаградит ее, как деревенский простак. Лишь оттого, что она легкомысленно поведет перед его носом краем своей юбки. Не такого он ждал от новой возлюбленной. Не такого.

– Не похорошела? – ядовито поинтересовался Улан, когда Зазра приблизилась.

Это было ее больное место, и он прекрасно знал о нем. Кажется Бог Тьмы получал извращенное удовольствие, разглядывая в ней разрушительные последствия прожитых лет.

– Чем я вызвала твое недовольство, Повелитель? – смиренно спросила королева, но в ее словах как всегда отчетливо послышалась обида. Астрэ с трудом удержалась, чтобы не прикрыть рукой свои самые плачевные места.

– Разве? – притворно удивился Бог Тьмы. Он продолжал изучать внешность королевы с гаденькой улыбочкой. – С такими формами, как у тебя, уже не стоит носить столь глубокое декольте.

Зазра опусти голову и обнаружила, что ее уловка с поддержкой груди больше не действует. В последнее время этот ход стал для него излюбленным. Конечно же, грудь сразу обвисла чуть ли не до колен.

– Ты мог бы все исправить одним движением пальца! – не выдержав воскликнула она. – Для тебя нет ничего невозможного! Но тебе нравится мучить меня. Зачем? Зачем ты

делаешь это?

– Исправить? – притворно удивился Уланэ Дал. Он вольготно расположился в кресле, вспышка Зазры доставила ему удовольствие. – И лишиться радости наблюдать за твоими страданиями?

– Что я тебе сделала? – заплакала Верховная ведьма. – Я исполнила твою волю. Я всегда все для тебя делала…

– Раздевайся!

– Что я тебе сделала? – продолжала плакать королева, словно не слыша последнего приказа.

В следующую секунду Зазру охомутали невидимые силы, и она оторвалась от пола. Королева закричала – ее тянуло во все стороны разом. Мольбы оказались напрасны. Не смотря на все ее усилия, эта встреча с Повелителем пошла по наихудшему сценарию.

Потом забава с растягиванием наскучила Уланэ Далу, и королеву завертел небольшой смерч. Она почти скрылась из глаз, превратившись в едва различимое веретено тьмы. Ее сумасшедшие вопли сливались с воем ветра, и Бог Тьмы хохотал им в унисон.

Наконец, ураган прекратился, покорный воле Улана. В комнате ничего не пострадало – ни зеркало, ни мелкие безделушки, разбросанные по туалетному столику, ни стопка книг у кровати. И лишь королева кулем повалилась на пол, когда чуждые силы перестали удерживать ее.

Волосы Зазры растрепались и превратились в безобраз-

ный огромный колтун. Глаза были затуманены и блуждали, как у душевнобольной. Слезы размазали краску с ресниц, и веки королевы почернели, представляя собой плачевное зрелище. Она все еще подвывала, а попытка повернуть голову окончилась судорожной рвотой.

– Фу, Зазра! – укоризненно покачал головой Уланэ Дал. – Как можно при Повелителе?

Верховная ведьма сейчас совсем не ощущала себя таковой. Она не ответила на вопрос, да, впрочем, Бог Тьмы не ждал ответа. Он с извращенным удовольствием разглядывал картину, представшую перед ним, и Зазра попыталась осмотреть себя тоже.

Злой ветер сорвал с нее королевское одеяние, оставив лишь пару лоскутов на руках и на животе. Ну, конечно! Она ж ведь ослушалась его приказа, и Улан раздел ее сам. Едва не сорвав кожу при этом. Все тело королевы покрылось красными ссадинами и невыносимо болело. Естественно, что все ее «прелести» оказались как на ладони. С содроганием Зазра ждала продолжения.

И оно не задержалось. Улан порывисто встал и сделал несколько шагов в направлении скрючившейся ведьмы. На ходу он расстегивал одежду ниже пояса. Королева отвернулась, не приемля грядущего. Но суровая рука Бога Тьмы, не ведая жалости, сомкнулась на ее затылке. Пальцы Улана больно сжали спутанные волосы и притянули голову Астрэ к нужному месту.

Раздался протестующий возглас, но он быстро угас, задавленный надвигающейся лавиной плоти. Некоторое время в покоях королевы было относительно тихо. Полную тишину нарушал шорох длинных одежд Бога Тьмы, который ритмично двигался. А затем все более громкими стали давящиеся звуки со стороны Зазры. Как всегда, она терпела сколько могла, и, как всегда, Уланэ Далу этого времени показалось недостаточно. А ведь он не любил прерывать собственное удовольствие. Когда Верховной ведьме стало совсем не хватать воздуха, она замолотила руками по бедрам Улана. Но и тогда он не обратил на нее особого внимания. Единственное, чего добилась Зазра было то, что ее руки застыли в воздухе, и она оказалась обездвиженной.

На самом деле Уланэ Дал ничем не рисковал, кроме гордости королевы, на которую ему было глубоко наплевать. Доставляя несколько минут извращенного удовольствия своему Повелителю, Астрэ не могла умереть. Ведь она была создана для этого. Когда пришло время, Бог Тьмы отодвинул от себя голову Верховной ведьмы и отпустил ее. Зазра повалилась на пол, кажется не дыша. Из уголков ее рта сочилась кровь.

Не соизволив поправить одежду, Улан проследовал к огромной кровати. Здесь на подносе лежали виноград, персики и нарезанные ананасы. Рядом примостился изящный кувшин с Артхароком – напитком ведьм. Бог Тьмы вальяжно расположился на королевском ложе и стал медленно по-

едать виноградины, глядя в бесконечную даль океана. Кажется, свой первый пыл он удовлетворил.

Спустя несколько минут спокойного ничегонеделания Уланэ Дал вдруг резку щелкнул пальцами и продолжил все также медленно есть фрукты. Одновременно с этим королева вдруг дернулась и с выпученными глазами сделала судорожный сиплый вдох. Затем она жутко закашлялась, исторгая из грудной клетки обилие серой слизи.

Чуть придя в себя, она отползла к стене и привалилась к ней, сверля ненавидящим взглядом своего мучителя. А тот, причмокивая от удовольствия, поедал ананас, и кажется, совершенно не обращал на королеву внимания.

Затем он перешел на персики, и лишь утолив голод, повернул голову к Астрэ.

– Отдохнула? Выглядишь неважно… – сказал он с ленцой и бросил косточку в стену. – Иди сюда.

– Придет время, и ты будешь трахать мерзкую старуху, а затем геверкопиху, – выплюнула Зазра, сочащиеся ядом, слова.

Все равно она не смогла задеть его, Верховная ведьма знала это.

– Ну должен же я кого-то трахать. Я как-нибудь потерплю.

Даже находясь в столь плачевном состоянии как сейчас, Зазра не могла взять в толк – почему у них все так? Она Астрэ – единственная женщина во всех мирах, способная принимать Бога Тьмы. Она должна быть сокровищем, тщатель-

но лелеемым и оберегаемым, ведь истинная Астрэ – тринадцатая в поколении Верховных ведьм – это несколько тысячелетий ожидания, и то если род не прервется. Когда ей было пятнадцать, она мечтала принадлежать Повелителю и только ему. Но видят боги-хранители, в ее грезах не было и в помине ничего, чем вознаградил ее Уланэ Дал.

– Иди сюда, Зазра, не заставляй меня повторять сотню раз, – в голосе Повелителя все также слышались ленивые нотки. – Ублажи меня сегодня как следует, и быть может я расскажу тебе способ, как не превратиться в мерзкую старуху и геверкопиху…

Бог Тьмы медленно повернул голову и посмотрел на королеву по-змеиному холодным взглядом. От услышанного Зазра не смогла пошевелиться. Она будто вросла в холодную стену и во все глаза уставилась на Улана. Верховная ведьма так устала от всех его издевательств, что не могла поверить в сказанное. Но она так хотела этого!

Увидев выражение ее лица, Уланэ Дал громко расхохотался.

– Видела бы ты себя, Зазра!

– Ты просто издеваешься надо мной! – от хохота бога Верховная ведьма пришла в себя.

– Нет, – усмирив смех, ответил Повелитель.

– И как достичь этого? – спросила Зазра, все так же не двигаясь с места. – И с чего это ты решил помочь мне? Ведь ты меня ненавидишь.

– Все просто, дорогая. Мы предназначены друг для друга. Пора нам отбросить все разногласия и счастливо идти по жизни, ублажая мелкие прихоти друг друга. Разве не так?

– Для начала тебе стоило бы приходить ко мне другого размера, – Зазра потрогала саднящую ранку в углу рта. – Расскажи мне об этом способе.

– Твоя подозрительность разбивает мне сердце, – приторно ответил Улан, проигнорировав первую часть высказывания королевы. – Но так и быть, я расскажу. Когда ты попросишь меня об этом, и у меня будет настроение… И, возможно, тебе придется не раз напоминать мне о своей просьбе… Я буду открывать портал в Сомгир, где на арене тебя будут ждать десять геверкопов.

– Что? – не веря своим ушам, Зазра перебила Уланэ Дала.

Каждое его слово убивало встрепенувшуюся в ее груди надежду. С каждым словом гнев и отчаяние пробуждались в королеве все сильнее.

– Не перебивай! Так вот, тебя будут ждать десять геверкопов. Ты должна будешь удовлетворить каждую их прихоть так хорошо, чтобы они остались довольны. Они мне скажут, если это будет не так. И за это ты помолодеешь на один год. Ну как?

– Ты сумасшедший! – забывшись, закричала Зазра. – Я чуть было не поверила тебе! Отдать меня геверкопам… Ведь я твоя Астрэ. Ты, наверное, шутишь. Ты не захочешь меня после геверкопов.

– Не льсти себе, – холодно ответил Улан. – Демоны Сомгира мои дети. Почему я должен брезговать ими? И потом, после этого десятка тебя не захочет даже уличный попрошайка, не то что Бог Тьмы. Но подумай, когда все твои раны заживут – ты станешь моложе на год. Ну, хорошо. Так и быть на два года, но больше не проси. Не думаю, что на вашу возню мне захочется смотреть слишком часто… И помни, что я должен хотеть это увидеть, иначе смысла не будет и молодость не вернется.

– Зачем тебе это? – устало спросила Зазра.

Она безвольно прислонялась к стене, и в ее глазах сквозило полубезумное выражение. Гнев как-то истаял, спрятавшись в глубинах ее черной души. Ему на смену подошло усталое безразличие.

– Ну, это же очевидно. Я хочу иметь рядом с собой кого-то помоложе. Твои болтающиеся прелести мне порядком надоели.

Астрэ повернула голову.

– Неужели не было способа проще?

– Этот способ слишком дорого стоит. Не столько, сколько ты.

– Тогда я никогда не воспользуюсь твоим предложением! – гнев вновь встрепенулся, и Зазра неистово закричала, задетая богом за живое.

– Посмотрим, – жестко ухмыльнулся Улан, – что ты скажешь через десять лет! А теперь иди сюда!

Он взмахнул рукой, и Зазру потащило по полу в сторону кровати. Короткая передышка для нее закончилась. Бог Тьмы прислонил ведьму грудью к кровати, а сам пристроился сзади. Он растягивал удовольствие, наблюдая, как дрожит его Астрэ. Затем он сделал резкое движение вперед, и Зазра исступленно закричала. Она вопила до хрипоты в клочья разрывая простыни, на которые упиралась. Ее волосы оказались намотаны на руку Улана, и он дергал ее голову назад, когда ему казалось, что она затихает. Повелитель улыбался, слушая сиплые крики избранницы. Он продолжал совершать поступательные движения, и судорожные вопли королевы далеко разносились по коридорам Обители.

***

Зазра смогла встать только на вторые сутки. Обычно так и бывало, когда Уланэ Дал приходил к ней в таком настроении. Обычно все ограничивалось уроном, который она могла нейтрализовать за один день. Но, увы, не в этот раз.

Во всяком случае теперь она могла расслабиться – у нее была пара недель до следующего появления Повелителя.

Однако, в первый день Зазра была подобна трупу. Она не могла шевелиться, не испытывая при этом адскую боль во всем теле. Казалось все ее нутро вынули, взмесили и засунули обратно, не особенно заботясь о сохранности содержимого. Лицо превратилось в сплошной синяк. Кожа на теле ме-

стами была сорвана, и даже легчайшее прикосновение шелковых простыней приносило королеве жуткие страдания.

Единственное, что могло помочь ей – это время и ее кровь истинной Астрэ. Сила тринадцати поколений Верховных ведьм исправно делала свою работу, и вот Зазра смогла встать с постели.

Медленной, шаркающей походкой она подошла к магическому зеркалу и посмотрела на себя полумертвым взглядом. С той стороны зазеркалья на королеву ведьм смотрела несчастная незнакомка, совсем не похожая на владычицу целого мира, какой она была пару дней назад. Зазра уже давно научилась не обращать внимания на телесные повреждения. Они были болезненны и неприятны на вид, но довольно быстро проходили. Но вот глаза незнакомки Верховной ведьме совсем не нравились. В них плясала полусумасшедшая опустошенность, потерянность, замкнутость. Это не глаза королевы, а скорее побитой потасканной бродяжки, потерявшей всякую надежду на исправление сложившейся ситуации.

Зазра отвернулась от зеркала. Она Астрэ. Она подобна богам. С ней нужно считаться.

Кулаки ведьмы сжались и длинные черные ногти впились в ладони.

В дверь постучали. В покоях появилась Гарпиша – старая слепая ведьма. Она одна осмеливалась входить к королеве после посещений Повелителя.

– Владычица, – поприветствовала Зазру старуха.

Гарпише, наверное, перевалило уже за сотню лет. Когда-то она являлась приближенной прежней Верховной ведьмы, но была разжалована и отправлена в изгнание за предательство. Ашдот выжгла глаза Гарпише и превратила ее в Опальную, вынудив влачить жалкое существование. Судьба столкнула принцессу ведьм и слепицу почти двадцать лет назад, когда первая пробиралась по полуразрушенной темной лестнице в недрах старого оплота, а вторая поджидала ее там, за не имением лучшего закусывая пауками и мокрицами. На той мрачной и грязной лестнице они заключили договор, благодаря которому Зазра ускорила свое воплощение в Астрэ, а Гарпиша получила завидное местечко у подножия трона Владычицы мира. Но теплоты в отношениях им этот факт не принес.

– Пришла полюбоваться на меня? – злобно спросила королева. Она стояла спиной к дверям.

– Ты Астрэ, моя королева. Тебе не к лицу подобные заявления. Илибри – большое счастье для всех нас! Ведь наш Повелитель может войти далеко не в каждый мир.

Гарпиша прошествовала вглубь покоев. Зазра резко повернулась к старой ведьме.

– Не смей, поучать меня, Опальная.

– Я уже давно не Опальная. Ты вытащила меня…

– И отправлю обратно, если потребуется! – гнев Зазры клокотал у нее в груди.

Гарпиша равнодушно пропустила угрозу мимо ушей. Подобные слова она слышала уже не раз. Несмотря на взаимную неприязнь, слепица занимала прочное положение в Обители. Все дело было в страшной клятве, данной некогда Зазрой. Исунурон! Не преступив ее, королева не могла причинить значимого вреда старухе. Поэтому сейчас слепые бельма Гарпиши бездушно уставились в разбитое лицо Астрэ. Они не излучали ни страха, ни покорности, и этот факт еще сильнее бесил королеву.

– Я хотела удостовериться, что наша королева жива, а Повелитель не переборщил с утехами, – обыденно заметила Гарпиша.

У Зазры вырвался нервный смешок. И он притушил гнев в душе Верховной ведьмы. Конечно, до поры – сейчас она не могла ничего сделать с Опальной. Видят боги, как бы ей хотелось заточить вконец охамевшую слепицу в Клетку! И вдоволь насладиться страданиями невыносимой старухи! Но Зазра понимала, что для этого время еще не пришло. Да и Гарпиша еще могла на что-нибудь сгодиться.

– О, нет. Он не переборщил, – ответила королева, трогая кончиком языка подживающие губы. – Послезавтра к вечеру я появлюсь в тронном зале.

Королева не любила показываться на публике раньше, чем заживет последняя ссадина. Иногда она думала, что если бы ей не приходилось столь часто заживлять на себе следы не бережного обращения Повелителя, то она могла бы выгля-

деть моложе. Она могла бы выглядеть гораздо ближе к своим тридцати трем годам.

– Мне нужно еще Артхарока, – властно продолжила Зазра. – Я хочу зачарованную ванну. И пришли мне пару пленников-мужчин. И чтобы достоинства у них были побольше.

– Будет исполнено, моя королева, – поклонилась Гарпиша. – Приятно видеть тебя прежней.

Старуха удалилась. В последний момент она задержалась у дверей, словно хотела спросить что-то. Но затем передумала и ушла. Зазра не стала раздумывать над этим. Перед приходом Опальной, в ее голове зародилась некая интересная мысль. И ее следовало хорошенько обдумать.

Спустя минуту служанка принесла большой кувшин с Артхароком. Весь прежний запас королева уже опустошила, ведь колдовской напиток расходовался вдвойне быстрее, когда она столь активно восстанавливалась.

Затем последовала ванна, наполненная смесью крови и молока, и сдобренная целительными чарами. Зазра величественно возлежала в ней, держа в расслабленной руке кубок в Артхароком. Длинные шелковые занавеси на время отгородили королеву от мира, и единственным звуком, который долетал до нее, был шепот океана. Но против такого собеседника Астрэ как раз ничего не имела. Ее тело, наконец-то, расслабилось и обрело покой. Волосы Зазры разгладились, перестав походить на безобразный колтун. Зачарованная ванна вытянула всю боль из ее покалеченного нутра,

заживила ссадины на коже и склеила уголки губ.

Спустя пару часов королева почувствовала себя значительно лучше. Она ощутила прилив сил. Это было явным признаком ее скорого выздоровления. А значит пришло время для развлечений!

Когда Верховная ведьма вышла из ванны, пленники уже ждали ее. Люди. Короли или герцоги – простолюдины к ней не попадали. За время правления Зазры, в подвалах Обители их скопилось великое множество. Знать даже содержали в весьма приличных условиях. Специально, чтобы эти вельможи не растеряли всю глубину собственной важности. Иначе с ними было бы не интересно.

Зазра подошла к мужчинам. Некогда – напыщенные франты, теперь значительно присмирели. И все же в их глазах читались отблески былой гордыни. Конечно, и в лучшие времена этих двоих было сложно сравнить с ее избранником, которого она ненавидела. Но это было лучше, чем ничего.

Глаза королевы загорелись зеленым кровожадным огнем. Пленники в страхе отшатнулись. Зазре захотелось смеяться, когда потемнели их штаны. Астрэ видела перед собой не лица людей, а один, до боли знакомый ей лик.

Она дотронулась до одного из мужчин, и его глаза загорелись нестерпимым пламенем. Месть! Ненависть! Похоть! Он набросился на второго и сорвал с него одежду. Какое-то время пленники боролись, а затем первый одолел, оказавшись сверху, и воздух прорезал жалобный крик второго. Околдо-

ванный человек неистово сопел и рычал, как животное. Его жертва беспомощно трепыхалась под ним, издавая унизительные болезненные вопли.

Зазра, хохоча, смотрела на представление, которое сама и устроила. В ее глазах оба человека имели одно и то же лицо. От увиденного душевная боль отпускала ее, и она чувствовала себя отомщенной. Хотя бы отчасти. К своему удовольствию Астрэ отметила, что Гарпиша выполнила ее просьбу касательно размеров.

Когда пришло время, человек с дико горящими глазами издал победный рев. Его тело изогнулось дугой низменного наслаждения. Когда сила перешла из него, его глаза лопнули, и он завопил от страшной боли. Он словно очнулся и не понимал, что происходит.

Тем временем, нестерпимым пламенем загорелись глаза другого. Пришел его черед получать требуемое. И Зазра, посмеиваясь от удовольствия, стала наблюдать картину в обратном порядке. Теперь первый оказался в униженной роли дающего, а второй победно взрыкивал, совершая насилие.

После мига триумфа глаза второго тоже лопнули. У ног королевы оказалось двое униженных, слепых мужчин. Они мычали что-то нечленораздельное. Им было больно. И болели у них не только тела, но и души, ведь эти люди все помнили. Зазра жадно всматривалась в их кровоточащие раны и находила в них успокоение.

Затем она отрубила пленникам все, что посчитала нуж-

ным и сожрала их сердца. Акт возмездия свершился.

ГЛАВА 5

Руни застыла в ступоре. Она ожидала увидеть совсем не то, что увидела. Отчего-то в ее голове жила неясная картинка с героем-богатырем в лучах неземного света, и она почти сроднилась с мыслью, что это и был волшебник. Но с порога дубовой двери ей по-доброму улыбался милый сухонькой старичок в простой рубахе и серых штанах с вытянутыми коленями. От него пахло чистотой и мудростью. За его спиной виднелась небольшая комната, в которой не было никого кроме Мея. И никакого богатыря.

– Проходи, дорогая, – пригласил ее хозяин дома.

Руни словно позабыла все известные ей слова. Она молча вошла, не отрывая глаз от старика. По правде сказать, он гораздо больше годился на звание волшебника. Девушка перевела взгляд на странника. Мей смотрел на нее со смесью непонятного напряжения и ожидания. Мужчина сидел спиной к стене за небольшим квадратным столом, один край которого граничил с окном. Здесь было еще два стула, а у противоположной стены разместились кровать и сундук. Над ними тихо тикали старые часы с кукушкой. Руни выбрала место напротив странника и присела. Наступило неловкое молчание.

Как это ни странно, но ситуацию разрядил огромный ры-

жий кот, который вошел в комнату и сразу направился к девушке.

– Ты понравилась Рысику, – приветливо заметил старик, в то время как котяра по-хозяйски запрыгнул к Руни на колени.

– Какой милый, – сказала девушка, невольно улыбаясь. Зверь ластился к ней и громко мурлыкал. Ее пальцы непроизвольно погрузились в густой рыжий мех, и от этого прикосновения куда-то делось все ее напряжение. На ушах животного Руни заметила кисточки, каких не бывает у обычных кошек. Тем временем Рысик активно перебирал лапами по ее коленям и прищуривал большие зеленые глаза.

– Не знал, что ты завел кота, – улыбнулся Мей. Он как будто тоже немного расслабился.

– Ну, это еще вопрос кто кого завел, – сказал хозяин, присаживаясь на оставшийся стул. – Может, чаю?

– Простите, я не знаю как вас зовут… Скажите, что будет с моей мамой? – задала девушка свой самый животрепещущий вопрос.

– Руни, это маг Небадуб, – запоздало представил волшебника Мей. – Мой старый друг.

– Ну еще не такой уж старый, – заговорщически подмигнул старик, а потом продолжил уже серьезно, – твоей маме очень сложно помочь, дорогая.

– Но не невозможно? – с надеждой прошептала девушка.

Она вдруг обнаружила на столе чашки с горячим травя-

ным чаем, блюдце с малиновым вареньем и несколько кусков хлеба с поджаристой корочкой. Никто не вставал из-за стола, вся снедь будто возникла из неоткуда. Это натолкнуло ее на определенные мысли.

– Ведь вы же волшебник! – пылко заметила она, словно пытаясь склонить его к столь желанному для нее ответу. Она больше не думала, что он обычный лесной знахарь. Руни совсем не хотела так думать, наоборот, она молилась, чтобы ее прежнее суждение оказалось ошибочным, и Небадуб сумел помочь Мариже.

– Но не Бог, Руни. К сожалению, есть вещи, которые мне не подвластны.

Девушка огорченно примолкла и склонилась к коту, касаясь носом его затылка. Она закрыла глаза и попыталась понять, что же ей делать дальше. И тут она вспомнила…

– Вы знаете мою маму, ведь так? – спросила она настойчиво. – Когда-то она рассказывала мне разные истории из своей молодости. Там принц сражался с ведьмами, чтобы освободить людей, а помогал ему королевский маг по имени Небадуб. Вы тот самый маг! Так неужели вы не можете снять какое-то проклятие?!

Старый волшебник кивал на каждое ее слово, подтверждая правоту сказанного. На его лице застыло серьезное и немного удрученное выражение. Небадуб подождал пока Руни закончит говорить.

– Все так, дитя мое, – печально произнес он. – Эти собы-

тия, о которых ты говоришь, произошли давно… Лет двадцать уже прошло, так Мей?

– Восемнадцать, – буркнул Мей из своего угла.

– Пусть так. С тех пор силы оставили меня. Большая их часть, если быть точнее. Руни, ведьмы победили. То, что я сражался с ними не делает меня всемогущим. Я знаю твою маму и очень люблю ее. Мне безумно жаль, что с ней случилось такое…

– И ничего нельзя сделать? – спросила Руни, проглатывая слезы. Ее глаза казались совсем прозрачными от подступившей к ним соленой влаги.

– А магия крови? – вдруг спросила она и заметила, как при этих словах вздрогнули оба ее собеседника.

– Магия крови штука очень опасная, дитя, – огорченно ответил ей Небадуб и странно вопросительно посмотрел на Мея.

Странник угрюмо сидел на стуле, скрестив руки и уставившись в противоположную стену. На посыл своего друга он не отреагировал. Никто из троих людей даже не прикоснулся к предложенному угощению.

– Руни, есть более надежный способ помочь твоей маме, – твердо глядя в глаза девушке, сказал волшебник. По всему было видно, что он на что-то рассчитывал со стороны Мея, но тот не оправдал возложенных на него ожиданий. Вся тяжесть предстоящего легла на плечи старого хозяина дома. – Надо убить ведьму, которая сотворила проклятие.

Мгновение Руни переваривала услышанное.

– И всего-то! – всплеснула руками девушка. На ее лице отразилось негодование. – Вы серьезно? Убить ведьму, отыскав нужную среди сотен ей подобных? И как я смогу это сделать по-вашему? Я даже не знаю, что сложнее – отыскать или убить?!

Они ненадолго замолчали, каждый запертый в кругу своей правды. Руни прижималась к коту, ища в рыжем звере поддержку, которую ей не могли оказать люди. Мей хмуро сжал зубы. Небадуб печально сгорбился над своей чашкой и от этого стал казаться еще более старым и немощным.

На стене монотонно тикали часы.

– Ку-ку, – сказала кукушка, высунувшись из своего домика.

«Час ночи пробил. Время идет слишком быстро» – подумала Руни.

– И все же я не понимаю, почему нельзя использовать магию крови? – спросила она вслух. – Ведь у нас есть все необходимое. Есть я – ее дочь, и есть вы – волшебник. О лучшем можно только мечтать!

– Потому, что ты не ее дочь, Руни, – раздался внезапно глухой голос странника, и девушка вначале подумала, что ослышалась.

Она посмотрела на него расширенными глазами, в которых удивление сменялось страхом. Руни пока не могла определить, касательно чего возник этот страх. Однако, он заста-

вил ее сердце сжаться в нехорошем предчувствии.

– Что за ерунда? – спросила она и почувствовала, как дрожат губы.

– Это правда, детка, – мягко сказал старик и пожал ее руку, стараясь смягчить свои слова. – Ларий и Марижа твои приемные родители. Они очень сильно тебя любили.

Все это было, как гром среди ясного неба. Кто они такие, эти почти незнакомые ей люди, чтобы говорить такое? Оба этих человека появились в ее жизни всего день назад. Что они могли знать о ней, или ее матери? Всей душой Руни отказывалась верить их словам.

– Но… откуда вы это знаете? Что вы вообще знаете о моих родителях? Вы оба? – девушка одинаково требовательно посмотрела на собеседников, словно надеялась поставить их в тупик этими прямыми вопросами.

– Руни, мы знали их еще до того, как они поженились, – просто сказал Мей, отметая всю выстроенную девушкой защиту.

Она поняла, что странник говорил правду. Голую и без прикрас. Без объяснений. Самую суть.

– Я хочу увидеть маму, – тихо сказала Руни.

– Руни, она…

– Я хочу увидеть маму! – крикнула она и заплакала.

Небадуб провел ее в кухню. Она больше ничему не удивлялась. Кот куда-то испарился, и девушка даже не помнила, когда это случилось. Оказалось, что между комнатой, где она

приходила в себя, и кухней находился маленький коридор, в котором начиналась лестница на второй этаж. Руни могла поклясться, что, когда она тут проходила в первый раз, никакого коридора не было.

Они поднялись по лестнице и оказались в тихом покое, стены которого терялись во мраке, а центр освещался несколькими свечами. На неширокой кровати в свободной позе лежала ее мама. Волосы Марижи оказались распущены и лежали красивыми волнами на плечах. Ее руки покоились поверх легкого белого одеяла. Глаза матери были закрыты, покой разгладил ее прежде сведенные мукой черты. Руни совсем забыла, какая красивая у нее мама. Трудности походной жизни успешно маскировали всю ее прелесть. Сейчас Марижа казалась скорее молодой девушкой, чуть ли не ровесницей Руни.

– Мам, – Руни сделала шаг, чтобы подойти к матери.

– Она не слышит тебя, дорогая, – удержал ее Небадуб.

– Ты все-таки помог ей?

– Конечно. Твоя мама мне очень дорога. Здесь у нее будет больше времени и страдания минуют ее. Свечи символизирую время, которое у нее еще осталось. Когда погаснет последняя, Марижа уйдет навсегда. Но до тех пор она в безопасности, и ей совершенно ничего не грозит. Что бы ни случилось, – эти слова волшебник выделил особо и продолжил, – к сожалению, это все, чем я мог помочь ей.

– Это очень много, дорогой Небадуб, – плача сказала Ру-

ни.

Девушка повернулась к старику и тепло обняла его. Тот обнял ее в ответ и кажется на сердце у него полегчало от этих объятий.

Они вернулись к Мею. Руни вытирала слезы со щек и старалась запечатлеть образ матери. Ей там спокойно и тепло. Сейчас это лучшее, что можно сделать.

– И что теперь? – спросила девушка, когда немного пришла в себя. Она-то думала, что вон сколько всего выпало на ее долю за последние дни. Но оказалось, что все предыдущие неприятности были лишь началом.

Каково это узнать, что родители тебе не родные?

Но почему-то теперь Руни чувствовала еще большую нежность и любовь по отношению к Ларию и Мариже. Отец отдал за нее жизнь. Мама купала ее в своей ласке и заботе, и у Руни ни разу в жизни не возникло ощущение, что она им в тягость, что не нужна им, и они ее не любят. От этого в душе девушки поднялась волна благодарности и уважения к людям, которые ее воспитали. Она должна была отплатить им таким же добром. Хотя бы матери.

– В нашем мире все неслучайно, Руни, – сказал Небадуб, сосредоточенно глядя ей в глаза. – Во всех мирах. Каждое событие имеет историю своего возникновения и в свою очередь дает начало другим событиям. То, что ты оказалась в этом доме на горе, было предрешено.

– Доме на горе? – не поверила своим ушам девушка. Она

слушала очень внимательно, ловя каждое слово старого волшебника, но его последнее высказывание выбило ее из колеи.

– Пойдем, я покажу тебе, – серьезно сказал Небадуб, но в его глазах Руни увидела веселые искорки.

Они вышли из дома. Мей остался внутри, зато к ним присоединился Рысик, держа хвост трубой.

У Руни захватило дух, и все слова застряли в горле. Они действительно были в горах. Дом волшебника, а вовсе не маленькая хижина, стоял на сравнительно небольшом плато, а за ним поднимался лесистый склон горы. Само плато находилось на достаточно большой высоте, а за его пределами вниз уходила почти отвесная стена. В свете звезд в отдалении было видно множество других гор и их снежные вершины.

Звезды. Они были такими яркими и непривычно огромными, что Руни, глядя на них из окна в комнате, подумала, что на дворе мороз. Воздух казался хрустально-прозрачным, но довольно холодным. Из ее груди он вырывался облачками пара.

В голове девушки все это никак не могло уложиться в картину ее мира. Мысли стали хаотичными и никак не желали возвращаться к привычному порядку. Слишком все это было сложно понять неподготовленному человеку, и слишком много всего на нее навалилось. Чересчур много вопросов требовали ответа, но главным оставался один:

– Почему все это происходит со мной? – спросила она. – Не думаю, что вы раскрываете все свои тайны каждому, кто найдет ваш домик в лесу. Вы помогли моей маме, хотя в мире полно таких же, как она – проклятых. Мей появлялся в нашей жизни в самые нужные моменты и спасал нас. Почему?

Руни настойчиво смотрела на Небадуба. Ее глаза в звездном свете отливали холодным серебристым сиянием. Она требовала, она имела право знать.

– Это очень длинная история, дорогая, – ответил маг и взял, трущегося о его ноги, Рысика на руки. – Конечно, я не открываю дверь своего дома всем желающим. По правде сказать, даже хижину в лесу удается отыскать лишь тем, кому я действительно готов помочь. Здесь же не бывал никто, кроме моих самых доверенных друзей. Большей части из них уже нет в живых. Это место особенное – тайник вне времени. Здесь я ждал тебя, чтобы закончить дело, начатое почти двадцать лет назад.

– Какое дело? – настороженно спросила Руни.

– Выгнать ведьм из этого мира, конечно, – усмехнулся Небадуб, но за его усмешкой девушка увидела веру в сказанное и въедливое наблюдение за ее реакцией на эти слова.

Руни не хотелось разочаровывать доброго волшебника. Он почему-то стал дорог ей, хотя она знала его от силы пару часов. И все же в ее словах невольно прозвучало плохо скрытое недоверие, смешанное с удивлением и опаской:

– Вот так просто? Взять и выгнать полчища ведьм, кото-

рые правят нами?!

– Это едва ли будет просто. Но ты родилась для этого.

На этот раз Руни замолчала надолго. В этом было что-то неправильное. Как она сможет одолеть ведьм? Она всего лишь обычная девушка. Все происходящее попахивало сумасшествием. Она отвернулась, глядя на горный пейзаж. Небо на востоке немного посветлело.

– И с чего вы взяли, что у меня получится? Что это, вообще, мое предназначение? – спросила она, не отрывая глаз от снежных вершин, слегка подкрашенных розовым светом, рождающегося утра.

– Твои родители начали эту борьбу…

– Вы их знали? – резко повернулась Руни. – Что с ними?

– Мать умерла, – вздохнул маг. – А отцу пришлось нести тяжкое бремя долга, возложенного на него богами и судьбой.

– Судя по всему они проиграли свою битву, – горько заметила девушка. – Соединенной армии пяти королевств не удалось уничтожить ведьм. Почему у меня должно получиться?

– Кем они были? – тихо спросила она через минуту.

– Руни… – начал было Небадуб, но его прервал Мей, появившийся на пороге дома.

– Твоим отцом был моленский принц, а матерью ведьма, принявшая в дар Дивное сердце жрицы Торпа, и переродившаяся вслед за этим.

Его слова прозвучали жестко, и Руни стояла так, словно ее ударили. Ее глаза расширились от удивления и, накатившего

вслед за ним, ужаса.

– Ведьма? Моя мать – ведьма? – застонала она.

Ноги девушки подкосились, и она присела на камень. Кажется, в ее груди загорелось какое-то адское пламя, и ей вдруг перестало хватать воздуха. По щекам побежали непрошенные слезы. Кот вспрыгнул ей на колени, но она почти не заметила этого. Так же как и укоризненный взгляд Небадуба, брошенный на Мея.

– Твоя мать стала жрицей-ведьмой и многое сделала на пути борьбы с ведьминским игом, – мягко сказал волшебник, присаживаясь на камень рядом с Руни. – Тебе не стоит воспринимать ее как тех ведьм, которых ты видела в своей жизни.

– А что, она никогда такой не была? – спросила Руни, глядя в одну точку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.